

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундских
из дома
Валуа —
1364—1477**

Том 8

Проспер Барант

**История герцогов Бургундских
из дома Валуа — 1364—1477. Том 8**

«Издательские решения»

Барант П. д.

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477.

Том 8 / П. д. Барант — «Издательские решения»,

Восьмой том «Истории герцогов Бургундских» Проспера де Баранта охватывает закат правления Филиппа Доброго (1454–1467): от рыцарского «Обета фазана» до Войны за Общественное благо и битвы при Монлери. На фоне роста могущества Людовика XI показана внутренняя драма бургундского двора и кончина великого герцога.

© Барант П. д.

© Издательские решения

Содержание

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477	6
От переводчика	6
1. Предисловие к восьмому тому	7
2. Обзор содержания	8
3. Стил ь оригинала	9
4. О переводе	10
Книга Девятая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	44

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том 8

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-0257-5 (т. 8)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**История герцогов Бургундских
из дома Валуа — 1364—1477
Том восьмой. — Филипп Добрый**

От переводчика

1. Предисловие к восьмому тому

Восьмой том — это, по сути, заключительный акт эпохи Филиппа Доброго. Барант не пишет формального авторского предисловия к тому, но его замысел ясен из самого построения материала. Том открывается великолепной, почти оперной сценой «Обета фазана» (1454 г.) — это вершина куртуазной культуры Бургундии, момент, когда герцог и его двор дают клятву идти в крестовый поход. Этот эпизод служит мощным прологом, символом уходящего рыцарского идеализма. Далее повествование проходит через череду всё более мрачных и запутанных политических конфликтов, семейных драм и жестокостей (дело Жака Кёра, процесс герцога Алансонского, преследования вальденсов в Аррасе), чтобы завершиться циничной Войной за Общественное благо и смертью самого герцога.

Барант показывает, что великолепное здание бургундского государства, построенное Филиппом, дало глубокие трещины ещё при его жизни из-за борьбы с Людовиком XI и внутренних противоречий.

2. Обзор содержания

Восьмой том охватывает ключевой период с 1454 по 1467 год. Его содержание можно разделить на несколько больших блоков:

- **Крестовый энтузиазм и его угасание:** «Обет фазана» (начало тома) и последовавшие за ним приготовления к походу против турок, который так и не состоялся. Ярко показано, как высокий порыв разбивается о политическую реальность: папа Пий II тщетно призывает к герцогу, а сам Филипп всё больше увязает в европейских дрязгах.

- **Начало противостояния с Людовиком XI:** Это главная политическая линия тома. Мы видим, как дофин Людовик, поссорившись с отцом, Карлом VII, находит убежище в Бургундии. Барант подробно описывает его двусмысленное положение, его ум и коварство, его попытки плести интриги при дворе Филиппа. После смерти Карла VII и коронации Людовика XI в 1461 году напряжённость между новым королём и бургундским двором, особенно с графом де Шароле (будущим Карлом Смелым), стремительно нарастает.

- **Внутренние драмы Франции и Бургундии:** Том насыщен драматическими эпизодами:

- о **Процесс герцога Алансонского:** детективная история измены, ареста и суда над принцем крови.

- о **Дело Жака Кёра:** трагическая история падения королевского казначея, ставшего жертвой зависти и клеветы.

- о **Война за Общественное благо (1465 г.):** центральное военное событие тома. Подробно описана битва при Монлери, где граф де Шароле проявил безрассудную храбрость, но сама война закончилась для него скорее политическим поражением, показав коварство Людовика XI, который мастерски разделил своих врагов.

- **Подавление восстаний:** Жестокое усмирение льежцев и полное уничтожение города Динан — это мрачный финал военных кампаний тома. Барант показывает, как методы сына (Карла Смелого) отличаются от дипломатии отца: вместо умиротворения — тотальное разрушение, вызывающее ужас даже у современников.

- **Смерть Филиппа Доброго (1467 г.):** Том завершается подробным описанием болезни, смерти и пышных похорон герцога. Барант рисует картину всенародной скорби, смешанной с тревогой за будущее. В финале он даёт неоднозначный, но в целом высокий итог правления Филиппа, отмечая как его славу и могущество, так и авторитарность, и ту цену, которую заплатили его земли за это величие.

3. Стиль оригинала

Барант — мастер «нарративной истории». Его стиль узнаваем и обладает рядом характерных черт:

- **Живописность и детализация (эффект присутствия):** Автор не просто излагает факты, он создаёт сцены. Описание «пира фазана» — это не перечень блюд, а настоящая феерия: «огромный вепрь, на котором сидело чудовище, получеловек-полугрифон», «живой лев, привязанный к колонне». Он тщательно описывает одежду, жесты, драгоценности (миллион золотых экю на герцоге Филиппе при въезде в Париж), создавая у читателя ощущение, что он сам находится в зале.

- **Использование прямой речи как драматического приёма:** Барант очень часто переходит от косвенной речи хронистов к прямой. Именно в диалогах раскрываются характеры. Вспомните, как Людовик XI на свидании с Карлом Смелым под Конфланом, смеясь, напоминает ему о его же дерзких словах, переданных через архиепископа: «Пасхальное воскресенье, вы сдержали обещание, и даже гораздо раньше, чем кончился год». Этот диалог сразу делает их отношения объёмными и психологически достоверными.

- **Эпическая неторопливость:** Повествование разворачивается неспешно, с длинными периодами и обилием союзов. Барант не стремится к динамизму любой ценой, его цель — создать панорамное, величественное полотно. Например, описание битвы при Монлери распадается на несколько эпизодов, идущих параллельно, и автор спокойно переносит читателя с одного фланга на другой, создавая эффект всеохватности.

- **Слияние с источниками:** Голос автора часто неотличим от голосов хронистов, на которых он опирается (Шатлен, Коммин, Ла Марш). Он пересказывает их, цитирует их обрывки, тем самым стилизуя своё повествование под хронику XV века, придавая ему «аромат эпохи», о котором мы говорили.

4. О переводе

Задача переводчика этого текста особенно сложна, так как необходимо передать не только информацию, но и этот специфический «исторический стиль». В выполненном переводе можно отметить следующие решения:

- **Сохранение синтаксической структуры:** Длинные периоды Баранта, его причастные и деепричастные обороты, инверсии по возможности сохранены в русском тексте. Это сделано намеренно, чтобы передать «летописную» неспешность и торжественность. Например, фраза строится не по принципу «подлежащее-сказуемое-дополнение», а имитирует свободный ход устного или летописного рассказа.

- **Лексика:** Активно используется лексика, маркированная как «историческая» или «книжная», но без излишней архаизации. Слова вроде «сей», «коий», «оний» появляются, но не перегружают текст. Главное — сохранены титулы и термины эпохи в их французском звучании: «монсеньор», «сир», «мадемуазель», «бастард», «балыи». Это создаёт эффект исторической дистанции и точнее, чем попытка перевести их русскими аналогами («господин», «госпожа», «пристав»), которые несут другой культурный шлейф.

- **Передача цитат из хроник:** Когда Барант цитирует документы или речи (например, письмо папы Пия II, обвинительную речь канцлера Морвилье), стиль перевода становится более архаичным и торжественным, с обилием церковнославянизмов («дабы», «ибо», «поелику»). Это чётко отделяет прямую речь персонажей от авторского повествования.

- **Баланс точности и читаемости:** Переводчик стремится не жертвовать точностью ради гладкости. Сложные синтаксические конструкции не упрощаются до коротких фраз, чтобы не потерять прихотливый ход мысли автора и интонацию подлинника.

Таким образом, перевод пытается реконструировать для русского читателя не просто сюжет книги Баранта, но и сам способ исторического мышления и повествования, свойственный этому автору и его эпохе.

Книга Девятая

Обет фазана. — Брак графа де Шароле. — Путешествие герцога в Германию. — Второе завоевание Гиени. — Раздоры между королем и дофином. — Дофин удаляется к герцогу.

ПОСЛЕ славного исхода войны против гентцев герцог возвратился в Лилль. Сир де Круа также добился счастливых успехов в Люксембурге и вынудил немцев запереться в Тионвиле; вскоре после этого они даже согласились сдать крепость в десятимесячный срок, если не получат помощи. Так бургундский двор вернулся к покою и досугу. Празднества возобновились, как и прежде [1]. Граф де Шароле питал страсть к турнирам; он любил всякого рода движение, усталость, тяготы, как если бы был бедным дворянином, стремящимся составить себе состояние. Ум его также отличался большой деятельностью. Теперь ему читали уже не рыцарские истории, а истории Рима, которые казались ему весьма великими и полными чудесных военных деяний. Часто он бодрствовал далеко за полночь, пока сир д'Эмберкур, читавший весьма хорошо, улаждал его слух этим прекрасным чтением. Он был также добрым товарищем и пользовался благосклонностью дам, но при этом был не менее усерден в служении Богу, соблюдая по крайней мере все посты, предписанные Церковью; весьма милосердный и всегда подающий милостыню бедным на своем пути.

Помолвка герцога Иоанна Клевского и госпожи Изабеллы Бургундской, единственной дочери графа д'Этампа, дала повод прежде всего к большим увеселениям. Каждый принц по очереди устраивал роскошный пир. Это время великолепия завершилось торжеством, которое превзошло все, что до тех пор видели в Бургундии и где-либо еще.

В то время как герцог был занят своей войной против гентцев, 29 мая 1453 года город Константинополь, так долго находившийся под угрозой турок, покинутый всем христианским миром, несмотря на настоятельные и неоднократные просьбы, обращенные к королям и принцам, был наконец взят штурмом неверными. Император Востока был убит. Повсюду рассказывали о всякого рода кощунствах, жестокостях, ужасах, якобы совершенных турками: сожженные мощи, гости, втоптанные в грязь, избиение верных. Было от чего взволноваться всем христианам; и, конечно, они могли упрекнуть себя в том, что проливали свою кровь и употребляли свое мужество на пустые распри, вместо того чтобы избавить свою святую веру от подобных оскорблений [2]. Это было предметом всех разговоров. Герцогу Филиппу в этом отношении приходилось выносить меньше упреков, чем любому другому принцу. Было известно, что его заветнейшим желанием всегда было воевать против неверных. Он один посылал помощь на Восток. Перед своей войной против гентцев в 1451 году он отправил сира Жана де Круа и доброго рыцаря Жака де Лалена с посольством к королям Франции и Арагона, дабы заклинять их договориться с ним ради спасения Константинополя от ига, под которое тот должен был подпасть. Уже более десяти лет он многократно пытался пробудить нерадение других принцев, но не мог призвать их к этому святому христианскому долгу. Уже на своем последнем капитуле ордена Золотого Руна герцог, так сказать, велел проповедовать крестовый поход своим рыцарям, прежде чем война с Гентом завладела всеми его помыслами.

Поэтому именно к нему обратился папа Николай, как только узнал, что он свободен и пребывает в мире, дабы побудить его исправить то, что следовало бы предотвратить, и объединиться с королями христианского мира в крестовый поход против турок. В Лилль прибыл рыцарь от святого отца; он был принят с почетом, и герцог решил придать великий блеск христианскому предприятию, во главе которого он желал встать. Он искал всевозможные способы, чтобы возбудить благочестивое рвение в сеньорах, дворянах и подданных своих государств, дабы они по благочестию и без принуждения помогли ему лично или своим имуществом. Он держал по этому поводу несколько советов, и было признано, что ничто не будет

более уместным для такого замысла, как воспользоваться одним из тех празднеств и пиров, которые собрали в Лилле столь большое и благородное стечение народа.

В то же время в народе распустили слух, что сам папа находится под угрозой со стороны могущества сарацин и неверных и что прибывший от него рыцарь привез вызов, полученный им от Великого Турка; доходило даже до того, что показывали копии этого письма. Вот приблизительно в каких выражениях оно было составлено [3]:

«Морбезан Опрезан и его братья Каллилабра, рыцари империи Органт, владыки Ахайи, великому жрецу Рима, нашему возлюбленному, если он того заслужит. До нашего сведения дошло, что по просьбе народа венецианцев вы объявляете, будто все, кто будет воевать против нас, получают прощение в этом мире и жизнь вечную в ином; сему мы изумляемся; ибо, если Бог дал вам такую власть, вы должны пользоваться ею более разумно и не побуждать христиан воевать против нас; принимая во внимание, что наши предшественники никогда не были причастны к смерти вашего Иисуса Христа, не владели Святой Землей и даже всегда ненавидели иудеев, которые, согласно вашим хроникам, передали вашего упомянутого пророка в руки Пилата, римского наместника Иерусалима, который и велел казнить его на кресте.

С другой стороны, нам досадно, что итальянцы воюют с нами, они, происходящие от нас со всей их славой и могуществом, то есть ведущие свой род от Антенора из племени великого Приама, древнего владыки Трои, прародителя турецкой нации.

Посему, как его преемник, мы намереваемся вновь отстроить этот город Трою, восстановить его владычество и привести всю Европу к нашему повиновению, прежде всего чтобы отомстить за кровь Гектора, за разрушение упомянутого благородного города и осквернение великого храма Паллады. Потому мы и подчинили всю Грецию и ее жителей, как наследников тех, кто совершил это разрушение. К тому же земли эти были обещаны нам пророчествами. Мы призываем ваше благоразумие впредь не давать более таких булл и не побуждать более христиан к войне против нас. Ибо мы не намерены сражаться с ними за их веру, но лишь за светское право, которое мы имеем на их земли. Мы не поклоняемся Иисусу Христу; но, признаемся, мы знаем, что он ваш пророк. К тому же ваш закон, говорят, запрещает вам принуждать кого-либо силой. Итак, если мы воюем с венецианцами, то лишь потому, что они удерживают земли в Европе, которые они узурпировали. Этот народ Венеции не имеет ничего общего с другими народами Италии и мнит себя выше других. Вот почему с помощью великого бога Юпитера мы хотим сбить его гордыню.

Если же, после всех вышеуказанных причин, вы все же захотите воевать с нами, будьте уверены, что мы поднимем всю нашу мощь; мы призовем на помощь императора Органта и других князей и царей Востока; до сих пор они притворялись спящими; но когда они явятся со всей своей мощью, они смогут противостоять не только вашим пешим крестоносцам, которых мы видели, но и всем галлам и латинянам. Если вы поднимете их против нас, мы воззовем к помощи Нептуна, бога моря, и мощью наших кораблей завоюем остров Геллеспонт; оттуда мы войдем в Хорватию и Далмацию и другие северные области. — Дано в нашем триумфальном дворце, в год десятый Магомета, месяца июня».

Народу указывали на хитрость этого Турка, который притворялся, будто хочет завоевать христианский мир лишь для того, чтобы вернуть свою светскую власть, не посягая на веру; каждый из простонародья ясно видел, что не следовало позволять себя обманывать и оставаться без защиты против столь могущественного врага.

Но церемония, которую герцог приготовил, чтобы принять обет рыцарей и дворян, должна была возыметь над ними еще большую силу, нежели подобное письмо. Главными устроителями этого празднества, приготовления к которому длились более трех месяцев, были сир Жан де Ланнуа, сеньор, полный изобретательности и вкуса ко всему новому, оруженосец по имени Жан Бёдан и сир Оливье де Ла Марш, бывший паж герцога, который впоследствии

написал повествование о делах своего времени. Герцог беспрестанно занимался с ними всеми деталями, и их держали в большом секрете, чтобы лучше поразить бургундский двор.

Был тогда обычай, что в конце каждого пира представляли интермедию для удовольствия гостей, и один из актеров возлагал венок из цветов на голову принца или сеньора, которому предстояло дать следующий пир [4]. В день пиршества графа д'Этампа, когда трапеза закончилась и блюда были убраны, из соседней залы вышли Дурдан, герольдмейстер графа, и двое его камергеров в бархатных одеждах, подбитых куницей; каждый поддерживал одной рукой венок из цветов. За ними следовала юная дама лет двенадцати, вся сияющая золотом, одетая в фиолетовый шелк, расшитый греческими буквами; она сидела на иноходце, которого вели три оруженосца. Это шествие обошло вокруг стола с пением, остановилось напротив герцога; герольд возвестил в стихах о прибытии сей дамы, которая, по его словам, звалась принцессой Радости. Два рыцаря помогли ей сойти с иноходца; она поднялась на стол по ступеням, дважды преклонила колени и возложила шляпу из цветов на голову доброго герцога; он поцеловал ее и объявил свой пир через восемь дней.

В утро того дня, а именно 9 февраля 1454 года, господин Адольф Клевский выступил защитником в воинском предприятии под именем Рыцаря Лебеда; он принял, как говорили, этот титул в память о происхождении своего дома; в древние времена единственная наследница Клеве, согласно старым хроникам, вышла замуж за рыцаря, который чудесным образом прибыл по Рейну в маленькой лодке, влекомой лебедем. Наградой на турнире должен был стать золотой лебедь, прикрепленный к золотой цепи с рубином на конце, и вручать его должны были дамы.

После сего прекрасного турнира все направились в залу для пира [5]; она была огромна и увешана прекрасными шпалерами, изображавшими подвиги Геркулеса; в ней были поставлены три стола, уставленные прекрасными украшениями. На столе герцога находились: церковь с витражами, колоколами, органом и певчими, чьи голоса аккомпанировали этому инструменту; фонтан, являвший полностью обнаженную фигуру младенца, извергавшего розовую воду; корабль с мачтами, парусами и матросами, карабкающимися по снастям и производящими морские маневры; луг, усаженный цветами и кустарниками, с утесами из рубинов и сапфиров; посредине — фонтан, изображающий святого Андрея на его кресте.

На втором столе можно было видеть: пирог, в котором помещался целый концерт из двадцати восьми музыкантов; замок Лузиньян с его рвами и башнями; на самой высокой показывалась фея Мелузина с ее змеиным хвостом; мельницу, стоящую на холме; наверху была сорока, и люди всех сословий стреляли в нее из арбалета; виноградник, посреди которого находились две бочки — добра и зла, с их сладким или горьким напитком; богато одетый человек предлагал сделать выбор; пустыню, где тигр сражался со змеей; дикаря на его верблюде; человека, бывшего по кусту, откуда вылетали маленькие птички; поблизости, под беседкой из роз, рыцарь и его возлюбленная подстерегали птиц, испуганных тем человеком, и ловили их, насмехаясь над ним; медведя, на котором сидел шут, карабкающегося на ледяную гору; озеро, окруженное деревьями и замками, с ладьей, плывущей по нему.

Третий стол был меньше; на нем было только три украшения: корабельник, принесший свой товар в деревню; лес Индии с дикими зверями; лев, привязанный к дереву, и рядом с ним человек, бывший свою собаку.

Буфет сверкал золотыми, серебряными и хрустальными сосудами. Над ним возвышались две колонны. На одной стояла статуя женщины, полуодетой в белую драпировку, на которой были написаны греческие буквы; из ее груди изливался гипокрас. Живой лев был привязан к другой колонне крепкой железной цепью. Сверху читалась надпись: «Не прикасайтесь к моей даме». Вокруг залы тянулись подмостки амфитеатром для зрителей. Герцог Филипп был одет с еще большей роскошью, чем обычно. Уверяли, что на нем было драгоценностей на сумму более миллиона золотых экю. Впервые за долгие годы его одеяние не было полностью черным. Он был одет в черное с серым; его люди также носили эти цвета на своих ливреях.

Когда все расселись, началась служба. Каждое блюдо подвозилось на колеснице из золота и лазури, спускавшейся с потолка. Вместо благословения музыканты из церкви и пирога спели весьма сладостную песнь; затем начались интермедии. Два трубача, сидя спиной к спине на прекрасном коне, играли фанфары, объезжая залу. После появился огромный вебрь, на котором сидело чудовище, получеловек-полугрифон, которое, в свою очередь, несло на плечах стоящего человека. Затем открылся занавес из зеленого шелка, и была разыграна история Ясона и Золотого Руна в честь ордена герцога. Быки, извергавшие пламя, укрощенные Ясоном и запряженные в плуг; дракон, которого он убивал и чьи зубы сеял, а они превращались в воинов, — все это казалось чудесно исполненным. Затем увидели белого оленя с позолоченными рогами, который пел со своим проводником; огненного дракона, пересекшего залу, и соколиную охоту, где два сокола сбили цаплю.

Но все это было лишь мирским развлечением; наконец настала настоящая интермедия. Великан в тюрбане на голове и в длинном одеянии вышел вперед, ведя слона. На животном возвышалась башня, и на ее зубах виднелась дама. Она носила белое покрывало на манер монахинь и большой черный плащ: то был персонаж Святой Церкви. Его изображал Оливье де Ла Марш. Эта дама казалась весьма заплаканной. Оказавшись перед герцогом, она обратилась с триолетом к великану, который вел ее:

Великан, я хочу здесь остановиться,
Ибо вижу благородное общество,
С коим должна говорить.
Великан, я хочу здесь остановиться,
Сказать им хочу и растолковать
Вещь, что должна быть хорошо услышана.
Великан, я хочу здесь остановиться,
Ибо вижу благородное общество.

Затем она начала длинную жалобу на все зло, причиняемое ей неверными, и взмолилась о помощи герцога и благородных рыцарей, здесь присутствующих. Тогда вошел Золотое Руно с двумя рыцарями ордена, которые вели за руки Иоланду, побочную дочь Бургундского, и Изабо де Нёшатель. Герольдмейстер нес живого фазана, украшенного золотым ошейником с драгоценными камнями. Он отвесил глубокий поклон герцогу, сказал ему, что древний обычай великих пиров был — подносить принцам и сеньорам какую-нибудь благородную птицу для принесения обета, и что он пришел с дамами и рыцарями принести фазана в дар его доблести.

Герцог тогда сказал громким голосом: «Я даю обет Богу во-первых, затем преславной Деве Марии, дамам и фазану, что исполню то, что написано»; и он передал Золотому Руну следующую записку, приказав ему зачитать ее публично:

«Благоугодно ли будет всепресветлейшему и победоноснейшему государю моему королю, без сомнения, предпринять и подвергнуть опасности свою особу ради защиты христианской веры и противостоять проклятому предприятию Великого Турка и неверных; и тогда, если у меня не будет законного извинения по немощи телесной, я буду служить ему своей особой и своей властью в этом святом походе наилучшим образом, какой Бог дарует мне по милости своей. Если же дела моего вышеназванного государя короля будут таковы, что он не сможет отправиться лично и ему будет угодно поручить это какому-либо принцу своей крови или иному предводителю и начальнику своего войска, я буду повиноваться его помянутому уполномоченному, как ему самому. Если же, по великой занятости делами, он не расположен ни идти сам, ни посылать войско, и если другие христианские принцы предпримут сей святой поход, я буду сопровождать их и послужу вместе с ними, при условии, что на то будет воля и дозволение моего государя и что страны, которые Бог мне вверил, пребудут в мире и безопасности. К чему я приложу старания и выкажу такое усердие, что Бог и мир узнают, что не от меня зависело отправиться туда. И если во время сего похода я каким-либо образом узнаю,

что упомянутый Великий Турок желает иметь дело со мною один на один, я буду сражаться с ним с помощью Бога всемогущего и его сладчайшей Матери, коих я всегда призываю себе на помощь».

Дама Святая Церковь поблагодарила герцога и начала обходить столы, принимая один за другим обет каждого сеньора и каждого рыцаря. Герцог Клевский, граф де Сен-Поль, господин де Шароле, граф д'Этамп, все принцы и знатные сеньоры дали обет идти в крестовый поход. Воцарилось всеобщее воодушевление; сотрапезники разгорячились; некоторые начали добавлять особые условия к своему обету, как они читали в рыцарских историях или хрониках. Сеньор дю Пон обещал никогда не ложиться в постель по субботам до исполнения своего обета; сир де Отбурден — не отступаться от своего предприятия, пока не получит в свою власть Турка мертвым или живым; сир де Реннекен — не есть по пятницам ничего, что приняло смерть, пока не сойдется врукопашную с врагами святой веры и не доберется, рискуя жизнью, до знамени Великого Турка. Филипп По дал обет не садиться за стол по вторникам и никогда не носить в этом предприятии доспехов на правой руке; на это добрый герцог остановил его и сказал, что надлежит, напротив, явиться туда хорошо и в полном вооружении. Антуан Ролен обещал послужить в этом походе, если отец позволит ему и возьмет на себя расходы; а отец его, Никола Ролен, старый канцлер Бургундии, обязался отправить его туда с двадцатью четырьмя дворянами, содержимыми за его счет. Гюг де Лонгваль поклялся, что, отправившись, не будет пить вина, пока не пустит кровь неверному, и что проведет два года в крестовом походе, даже если останется там один, разве что Константинополь будет отвоеван ранее. Гийом де Вандре обязался не возвращаться, не представив герцогу пленного Турка. Эрар и Кретьен де Дигуан из благородного дома Дамас дали вместе обет сделать все возможное, чтобы опрокинуть первое вражеское знамя, которое увидят; а Кретьен, сверх того, совершить по возвращении воинское предприятие в трех христианских королевствах. Антуан и Филипп, батарды Брабантские, просили быть первыми в авангарде и обещали нести в знак благочестия на перевязи образ Богоматери. Антуан де Турне дал обет нанести удар мечом по короне неверного короля; Жан де Шасса — никогда не поворачивать голову своего коня, пока не увидит завоеванного турецкого знамени; Луи де Шеваллар — не носить, как только окажутся в четырех лье от неверных, ни шаперона, ни шляпы и сразиться с Турком пешим с рукой, защищенной лишь латной рукавицей. Гийом де Монтины — носить днем и ночью часть своих доспехов, не пить вина по субботам и одевать в этот день власяницу. Затем одни давали обет сразиться один на один, другие — не возвращаться, пока не опрокинут Турка вверх ногами. Каждый превосходил другого, соревнование и вино горячили их: это было своего рода безумие, так что Жан де Ребреньет, эконом-раздатчик батарда Бургундского, в конце концов поклялся, что если не добьется благосклонности своей дамы до крестового похода, то женится по возвращении на первой даме или девице, у которой будет двадцать тысяч эку.

Когда обеты были принесены, вошла дама при свете факелов; она также была одета монахиней, но вся в белом. С ее левого плеча спускался маленький свиток, на котором было написано золотыми буквами: Благодать-Божия; таково было ее имя. Она вела двенадцать рыцарей, одетых в малиновые пурпузы с черными шоссам и в черно-серых плащах; все покрытое богатейшими вышивками. Они вели за руки двенадцать дам, облаченных в малиновый атлас, с кружевным платьем поверх и широкой золотой бахромой. У каждой также было написано ее имя на плече: то были двенадцать добродетелей: вера, надежда, милосердие, справедливость, рассудок, благоразумие, воздержание, сила, истина, щедрость, усердие и доблесть. Госпожа Благодать-Божия приблизилась к герцогу, объяснила ему в восьми стихах причину своего прибытия и вручила ему записку; сеньору де Креки было приказано зачитать ее.

«Мой благословенный создатель услышал обет, который ты, Филипп, герцог Бургундский и Брабантский, давеча принес, равно как и многие другие благородные мужи и доблестные сердцем. Каковы обеты угодны Богу и Святой Деве Марии, и они посылают меня пред

очи императоров, короля, герцогов, принцев, графов, баронов, рыцарей, оруженосцев и прочих добрых христиан, дабы представить им этих двенадцать дам, носящих имя добродетели. Если они и ты пожелаете верить им и пользоваться их советами, вы придете к благому и победоносному завершению вашего предприятия, я останусь с вами, вы стяжаете добрую славу по всему миру и царство райское в конце».

Госпожа Благодать-Божия удалилась, представив двенадцать дам; когда мистерия завершилась, они сняли свои надписи и принялись танцевать со своими рыцарями; то были первые дамы и самые знатные сеньоры двора, исполнявшие эту интермедию.

Затем вошли герольды, дабы учинить дознание у дам, кому они присуждают награду за утренний поединок. Нашли, что никто не ломал копыя столь изящно, как господин де Шароле; мадемуазель Изабелла де Бурбон и мадемуазель д'Этамп вручили ему награду и даровали ему поцелуй, согласно обычаю, пока герольды возглашали: Мон-Жуа! затем вновь принялись танцевать далеко за полночь.

Граф де Сен-Поль, дабы продолжить эту череду празднеств, велел объявить, что через месяц устроит в городе Камбре большой турнир, где он будет защитником вместе с сорока рыцарями [6]. Это воинское предприятие должно было совершиться во имя рыцаря Единорога. Но герцог уже начал быть весьма недоволен графом де Сен-Полем; он находил его слишком приверженным интересам короля, чьим послом, как мы видели, он был. В своем обете фазана он сделал прямую оговорку о воле короля, как если бы не был подданным герцога Бургундского. Кроме того, он был в числе тех сеньоров этого двора, которые выказывали себя все более и более недовольными высокой милостью Антуана де Круа, камергера герцога, и всего этого дома. Ранее он, довольно неохотно и по просьбе герцога, обручил свою дочь Жаклину, еще ребенка, с Филиппом, сыном сира де Круа, и даже передал ее семье ее нового мужа. Однако этот союз не нравился ему все больше и больше и казался слишком неравным; сир де Круа, сколь бы могущественным он ни стал, был простым дворянином; а из дома Люксембургов вышло четыре императора; он был в родстве со всеми королями христианского мира. Итак, понадобилась вся власть герцога Бургундского, чтобы заставить графа де Сен-Поля согласиться на этот неравный брак; теперь же, видя, что милость принца ускользает от него, он требовал дочь обратно. Позже он даже послал за ней вооруженной рукой; но сир де Круа, который держал ее в городе Люксембурге, велел запереть ворота и послал сказать графу де Сен-Полю, что брак уже свершился [7]. Граф де Сен-Поль также навлек на себя вражду графа д'Этампа во время войны с Гентом из-за какой-то ссоры по поводу командования авангардом.

Герцог решил поэтому выказать ему свое неудовольствие и объявил, что ни он, ни его слуги не появятся на турнире Единорога. В то же время он расстроил замысел, которым граф де Сен-Поль давно занимался: брак его сына Жана де Люксембурга с мадемуазель Изабеллой, дочерью герцога де Бурбона. Герцог де Бурбон уже дал на это согласие; но мадемуазель Изабелла всегда воспитывалась при бургундском дворе, и ее дядя, герцог Филипп, распоряжался ею более, чем ее отец. Он внезапно решил выдать ее замуж за господина де Шароле.

Герцогиня Бургундская имела иные виды [8]; она была принцессой Португальской, дочерью госпожи Филиппы Ланкастерской и всегда любила Англию более, нежели Францию. Ее замыслом было поэтому женить сына на дочери герцога Йоркского, того самого, кто в тот самый момент оспаривал корону у короля Генриха VI. Герцог Филипп пожелал положить конец этим тайным переговорам, которые ему не подходили. Герцогиня имела влияние на сына; она внушила ему большое предпочтение к браку, которого желала; несколько сеньоров также были настроены против выбора герцога. Поэтому он встретил противодействие в своем совете и в своей семье; батард Бургундский, бывший в большой дружбе с господином де Шароле, особенно поддерживал желание герцогини.

Герцог Филипп призвал своего сына: «Я узнал, что ты, кажется, противишься браку, который я хочу, чтобы ты заключил. Не знаю, кто тебя подталкивает; но мне сказали, что ты хотел

бы жениться в Англии. Знай же, что если у меня и были большие союзы с англичанами, дабы отомстить за смерть моего отца, то никогда от этого сердце мое не было английским. Если бы я узнал, что ты заключаешь этот брак и желаешь этого союза, я изгнал бы тебя из моих земель, и ты никогда не пользовался бы владениями, коими я обладаю. Более того, если бы я подумал, что мой побочный сын, здесь присутствующий, или кто-либо другой советует тебе это, я велел бы посадить его в мешок и бросить в реку».

Герцог не пожелал долее медлить с исполнением своей воли. Согласия ни герцога, ни герцогини де Бурбон еще не было. Будущие супруги были двоюродными братом и сестрой, и прежде всего требовалось разрешение папы; неважно, надлежало заключить помолвку, с тем чтобы совершить бракосочетание позже, когда будут получены согласие и разрешение.

Причиной такой поспешности герцога было то, что он хотел отправиться в Германию, где должен был совещаться с императором и князьями на рейхстаге в Регенсбурге о замыслах крестового похода. Он оставил графа де Шароле своим генеральным наместником и поручил ему управление своими государствами Фландрии, дав ему в советники канцлера Бургундии, сира де Круа и Пьера де Гу; затем двинулся в путь к концу марта 1454 года, почти не объявив о своем отъезде, со свитой примерно в сто человек, не взяв с собой никого из главных своих служителей, кроме Симона де Лалена и Филиппа По.

Два дня спустя обнаружили указ, который он держал в строгом секрете и который вызвал большое удивление [9]. Столько пиров, турниров, интермедий и пышных увеселений сильно расстроили его финансы. Дабы несколько поправить их и излечить бережливостью то, что стоила ему его расточительность, его указ увольнял на два года всех служителей его отеля, не предоставляя им никакого жалованья. Были среди них и такие, кто служил ему долгое время и не имел иных средств. Другим причитались крупные суммы, выплата коих не была ни обещана, ни определена. Лучники гвардии телохранителей роптали и говорили, что пойдут служить в Англию. Вся эта толпа слуг разных званий, привыкших жить на широкую ногу в этом большом доме, всегда столь изобильном, не знала более, куда идти, а придворный шут говорил, что герцог сломал ручку у бараньей ноги [10].

Герцог пересек графство Бургундское и вступил в Швейцарию [11]. Его союзники, господа Берна, устроили ему великолепный прием. Маленькие дети города несли знамена с его гербами и кричали: Да здравствует Бургундия! В Бадене, Аарау, Цюрихе, Констанце был тот же прием. Ему выходили навстречу; города брали на себя все эти расходы; словом, его повсюду принимали так, будто он был государем, столь велика была его слава в христианском мире. Когда он вступил в Германию, усердие было еще больше. Князья и сеньоры земли Швабской являлись, дабы составить ему кортеж со всеми своими людьми, слали ему подарки и продовольствие; самому императору не оказали бы такого приема. Граф фон Вальдбург отличился среди всех. Он принял герцога в своем замке Вальдце; затем сопровождал его во время всего путешествия, будто был его подданным и слугой. Города оказывали ему не меньшие почести; по его рекомендации они освобождали своих узников; споры, которые они имели между собой или с сеньорами, представлялись на его суд. В Ульме, где он провел несколько дней, князья Вюртембергского дома каждый день слали ему дичь, вино, овес для его коней; и граф Ульрих Вюртембергский, женившийся на его кузине Маргарите Савойской, приехал заклинять его проехать через его город Штутгарт на обратном пути из Регенсбурга. Герцог Альбрехт Австрийский прислал к нему посольство, дабы также просить его направить свой путь через его владения, затем принял его с великой пышностью в Гюнцбурге и подарил ему коней и оружие при отъезде. Герцог Людвиг Баварский, его родственник и союзник, выказал не меньшее великопение в своем гостеприимстве; проведя его через свои города Лауинген, Райн и Ингольштадт, он доставил его в Регенсбург по Дунаю на пышно украшенных ладьях.

Он не застал там императора. Фридрих Австрийский, которого десятью годами ранее герцог так хорошо чествовал в Безансоне, вовсе не был принцем, сильно любящим войну или

рыцарство. Он помышлял лишь о своем покое и даже не искал увеличения своего могущества. Ему предлагали короны Богемии и Венгрии, а он от них отказался. Слава о нем шла дурная среди сеньоров и рыцарей. Они находили его сонным, трусливым, тяжелым, мечтательным, меланхоличным, скупым, скрытным, позволяющим оскорблять себя в лицо, не имея мужества отомстить; словом, нечувствительным к чести [12]. Итак, он был весьма далек от того, чтобы войти в авантюрные замыслы крестового похода. Кроме того, все эти почести, что германские князья воздавали герцогу Бургундскому, эта пышность, коей он был окружен, ему вовсе не нравились [13]. Он не приехал в Регенсбург, а, напротив, удалился в свое герцогство Австрийское. Однако посол и его секретарь Эней Сильвий Пикколомини были отправлены туда от его имени. Единственным германским принцем, явившимся на этот рейхстаг, был маркграф Бранденбургский; пришлось назначить другую встречу в ноябре месяце, во Франкфурте, чтобы урегулировать планы крестового похода. Герцог не хотел столь долго отсутствовать в своих государствах. Там уже начинали беспокоиться о том, что с ним случилось; одни говорили, что император велел схватить его и держит взаперти в какой-нибудь крепости, как некогда короля Ричарда; другие доходили даже до того, что объявляли, будто добрый герцог умер в этом дальнем путешествии; ему надлежало подумать о возвращении. Он извинился, что не приедет лично во Франкфурт, но обещал прислать туда послов. Маркиз Бранденбургский и некоторые имперские города Германии настаивали, чтобы он еще погостил в Германии, дабы принять празднества, которые повсюду хотели устроить в его честь. Он учтиво отказался, провел некоторое время в Ландсхуте у герцога Баварского, где заболел; затем в Штутгарте у графа Вюртембергского; оттуда — во владениях герцога Альбрехта Австрийского и вернулся в Швейцарию через Базель.

Он еще застал празднества и в своей земле Бургундской, в Нозеруа, у принца Оранского, и у сира д'Отре из дома Вержи, который женил своего сына на дочери графа де Нёшателя, сестре маршала Бургундского. Этот союз между двумя самыми большими домами провинции дал повод к большим увеселениям, где собралась вся знать. Маршал Бургундский продолжал быть в высочайшей милости у герцога и заслуживал ее своей службой.

Он только что успокоил жестокий мятеж в Безансоне [14]. Этот город, благодаря также его заботам, находя себя слишком плохо защищенным далекой властью империи и императора, отдался герцогу Бургундскому. Он отказался от своих привилегий имперского города. По предложению своих магистратов и с согласия народа было постановлено, что герцог, как граф Бургундский, учредит должность судьи, который будет его представлять и заседать с ректорами и губернаторами коммуны для суждения всех дел: без него нельзя было смягчить ни одного штрафа; граф получал половину доходов от правосудия и половину габелей, уже введенных и тех, что будут введены; он назначал капитана на своем жалованье для надзора за укреплениями и всего, что касалось войны; словом, город переходил под охрану герцога и его преемников.

Вскоре после этого договора в городе вспыхнул бунт против архиепископа, и его замок Бюргиль был разграблен. Когда волнение улеглось, было условлено, что город возместит ущерб. Мятеж тогда стал жестоким; народ отказался платить сумму, наложенную по этому поводу, утверждал, что ее следует взимать только с зачинщиков беспорядка и что, кроме того, магистраты должны отчитаться о своих счетах; затем он изгнал их и назначил других вождей. Богатые горожане, под угрозой для своей жизни и имущества, спасались бегством; их дома были разграблены.

Маршал Бургундский отправился в Безансон с небольшой свитой, рассчитывая все умиротворить. Вместо того чтобы преуспеть в этом, он сам подвергся нападению на улице и подвергся некоторой опасности. Герцог, точно осведомленный обо всем происходящем, приказал собрать латников для подавления этого бунта. Маршал собрал их до тысячи шестисот, но ему не понадобилось применять силу; жители были охвачены страхом; город опустошала эпидемия, и он покорился. Маршал заставил его уплатить восемь тысяч франков за расходы, причи-

ненные бунтом; несколько человек из тех, кого считали зачинщиками, были повешены в Гре, и их головы отправлены в Безансон.

Герцог провел несколько месяцев в своих французских владениях; в Невере у него было свидание с герцогом Орлеанским [15]. Он говорил ему о замыслах крестового похода, о совещаниях, которые он имел по этому поводу в Германии, о собрании, которое должно было состояться во Франкфурте, и о своем намерении отправить послов к королю, дабы узнать его намерения. Он также обсуждал брак господина де Шароле. Его сестра, госпожа Агнеса, герцогиня де Бурбон, приехала в Невер, но не сам герцог, которого подагра задерживала в Мулене. Папское разрешение прибыло; король велел ответить, что дает свое согласие на этот союз. Некоторые затруднения возникли только из-за приданого, потому что совет Франции возражал против того, чтобы в него входила сеньория Шато-Шинон, бывшая, как говорили, мужским фьефом. Герцог согласился принять иные владения; он спешил завершить это дело. Не желая дожидаться своего возвращения во Фландрию, не считаясь с желанием герцогини де Бурбон, у которой был замысел поехать на свадьбу, он послал Филиппа По со всей поспешностью в Лилль с приказом, чтобы тотчас же брак был отпразднован и свершен. Герцогиня Бургундская, хотя и желала иного союза, очень любила мадемуазель де Бурбон, которая воспитывалась в ее доме; она охотно повиновалась приказаниям мужа, и господин де Шароле, с того момента, как госпожа Изабелла стала его женой, выказывал ей величайшую и вернейшую любовь. То был пример весьма редкий и весьма почитаемый во времена, когда принцы так мало уважали верность брака и когда каждый ставил себе в славу обманывать женщин; даже прелаты и люди церкви, говорили, были еще распутнее прочих [16].

После собрания во Франкфурте герцог, бывший еще в Дижоне, послал Симона де Лалена к королю, чтобы отчитаться о том, что только что было улажено в Германии. Совет Франции не мог быть сильно расположен к этому крестовому походу, о котором так много говорили. Мудрые люди, входившие в него и коих король много слушал, помышляли гораздо более о том, чтобы исцелить недуги королевства и поднять его из долгого разорения, нежели о том, чтобы искать славных и дальних предприятий. К тому же в течение предшествовавшего 1453 года война возобновилась; блаженный покой, которым начали было наслаждаться, был нарушен; и, хотя все обернулось славно для оружия Франции, еще не совсем оправились от этого нового бедствия.

После завоевания Бордо и Гиени жители сначала выказывали себя верными французами и радовались тому, что избавлены от владычества старинных врагов королевства [17]. Но вскоре губернаторы финансов короля пожелали собирать в провинции те же подати, что уплачивались в остальной Франции. Они находили особенно необходимым установить эту талью для латников, которая взималась всегда, хотя война окончилась и англичане были изгнаны. Сначала попытались убедить жителей Бордо, что они должны согласиться на это добровольно. «Это для вашего же блага, — говорили им. — Король желает держать вас в мире и безопасности. Англичане, которые приезжали покупать ваши вина и продавать вам свои сукна и шерсть, сожалеют об обладании вашей страной и о выгоде, что давала им торговля. Они, без сомнения, предпримут что-нибудь против вас. Напротив, у них не будет этой дерзости, если у вас будут хорошие гарнизоны из латников и вольные стрелки, готовые вооружиться по первому известию. К тому же деньги от этой тали не пойдут в сундуки короля; они будут истрачены у вас же на людей, взятых и набранных в провинции; вы сами будете им платить».

Все эти речи не убеждали гасконцев. Они питали крайнее недоверие ко всем королевским финансистам и воображали, что уплачиваемые ими деньги ни честно не употреблялись, ни верно не расходовались. Кроме того, провинция и города полагались на свои привилегии, возобновленные королем, скрепленные его печатью, снабженные его подписью. Жители не были столь же послушны, как жители других областей королевства, которые, довольные тем, что избавлены от беспорядка и видят конец своим бедствиям, платили без особого ропота подати,

установленные вопреки старинным обычаям по единой воле короля. Когда увидели, что ловкостью или силой королевские чиновники хотят непременно добиться своего, бордосцы и другие жители Гиени отправили депутатов в Бурж к королю. Они представили, что наилучшее и вернейшее средство держать страну в покое и безопасности против англичан — это оставить ей ее вольности, сдержат обещания данные и скрепленные клятвой, заставить там любить и уважать имя короля. «Англичане и не подумали бы возвращаться, — говорили депутаты, — если бы знали, что все жители пребывают в единении и довольстве. Случись им на это отважиться, города сумели бы защититься сами без гарнизонов латников. Тогда как, если нас заставят платить больше, чем во времена англичан, в то время как торговля наша уже сократилась, будет много недовольных, и враги сумеют этим воспользоваться».

Такие советы были мудры, но они не были услышаны, и депутаты вернулись, не принеся доброго ответа от короля. Тогда недовольство сильно возросло. Каждый негодовал на то, что не держат обещаний, скрепленных клятвой, что собираются нарушить привилегии и обременить провинцию поборами, тяготившими королевство. Духовенство, богатые горожане Бордо были особенно одушевлены живым сожалением о том, что подпали под власть короля. Со своей стороны сеньоры Гиени, несмотря на данные ими клятвы, всегда оставались англичанами в сердце. Гарнизоны были малочисленны; армия Франции не была собрана; составил заговор, дабы призвать обратно англичан. Сиры де Леспар, де Розан, д'Анлад, де Ланжак были его главными вождями. Сир де Дюра уже отправился в Англию; он поступил там на службу. Сир де Леспар также переправился туда и обещал англичанам, что если пошлют армию в Медок, все города не замедлят сдать.

Правление королевы Маргариты и герцога Сомерсета в этот момент установилось немного лучше. Герцог Йоркский, после того как взялся за оружие, дабы потребовать своего права на корону, покорился с условием, что герцог Сомерсет будет посажен в тюрьму для свершения над ним суда. Но как только он распустил свою армию, герцог Сомерсет был освобожден и вернул себе всю свою власть. Дабы восстановить честь Англии и удовлетворить волю всего народа, гневавшегося за потерю прекрасных завоеваний короля Генриха V, он поспешил принять предложения сеньоров Гиени. Армия в пять тысяч бойцов была поставлена под командование доблестного лорда Тальбота. Ему было тогда восемьдесят лет, но ни один английский капитан не имел столь великой славы; ни один не одерживал столь славных побед над французами. Король Карл, получив его в качестве заложника после взятия Руана, благородно вернул ему свободу без выкупа и позволил совершить паломническое путешествие, которое тот хотел предпринять на юбилей в Рим в 1450 году.

Лорд Тальбот высадился на побережье Медока в октябре 1452 года; несколько дней спустя Бордо открыл ему ворота, выдав даже сира Оливье де Коэтиви, капитана города, и сира дю Пюи-дю-Фу, который был мэром, назначенным королем.

Король находился тогда в Форе, занятый заключением договора с герцогом Савойским. Получив это печальное известие, он зрело обсудил его в своем совете. Решение его было тотчас принято — вновь завоевать Гиень и не потерпеть такого предательства. Он послал все подкрепления, какие можно было собрать, графу де Клермону, своему генеральному наместнику, чтобы привести гарнизоны в состояние сопротивляться до того момента, когда он сможет со всей своей мощью начать сильную войну. Жоашен Руо, Аманжё д'Альбре, сир д'Орваль и другие капитаны выступили во главе шестисот копий и значительного числа лучников. Так англичане не смогли добиться больших успехов. Граф де Дюнуа был оставлен для защиты Нормандии.

Зима прошла в сборе ордонансных рот, в призыве вольных стрелков, во всех приготовлениях. Они не были завершены раньше июня месяца 1453 года. Король тогда выступил из Лузиньяна и прибыл в Сен-Жан-д'Анжели. Осада была сначала предпринята против Шале, который англичане укрепили. За четыре дня крепость была взята штурмом, и все французы,

которые там находились, были повешены без пощады старанием Тристана-Пустынника, прево маршалов. Жонзак и Монтандр сдались. Многие капитаны хотели, чтобы тотчас двинулись к Бордо. Сир Жан Бюро, начальник артиллерии, которого слушали более, чем кого-либо, на военных советах, предложил осадить Кастийон, на Дордони, чтобы овладеть течением реки.

Между тем жители Бордо беспокоились, видя, что армия короля приближается без всяких препятствий. Они напомнили лорду Тальботу, что когда они сдались ему, то с условием быть защищенными против французов; что сам он обязался противостоять с десятью тысячами бойцов всей мощи короля Франции; что к нему прибыли подкрепления из Англии и что важно спасти Кастийон. Лорд Тальбот ответил холодно: «Можно дать им подойти еще ближе; будьте спокойны. С Божьей помощью я исполню свое обещание, когда найду время и место благоприятными». Но эти слова не удовлетворяли горожан; они боялись, что их предадут; начался ропот, а их добрая воля была так необходима, что лорд Тальбот решился сражаться.

Он покинул Бордо со всей своей армией и пришел сначала в Либурн. Французы едва начали осаду Кастийона. Однако Жан и Гаспар Бюро спешно приказали возвести семистам рабочим, бывшим под их началом, крепкие земляные укрепления и палисады, защищавшие всю их грозную артиллерию. Жоашен Руо и сир Пьер де Бово, во главе вольных стрелков, расположились в аббатстве, находившемся ближе к городу, со стороны дороги из Либуерна. Лорд Тальбот, предупрежденный посланиями гарнизона Кастийона, шел всю ночь и на рассвете напал на аббатство. Англичане обрушились с громкими криками на вольных стрелков; никаких мер для сопротивления им еще не было принято. Среди французов началось смятение; лучники обратились в бегство; но начальники и несколько дворян, бывшие с ними, сделали столько и повели себя столь доблестно, что сплотили своих людей. Сир Руо вдохновлял мужеством лучников, которыми он был любим более, чем любой другой предводитель армии. Он говорил им: «Разве я не обещал вам жить и умереть с вами? Неужели же вы хотите меня покинуть?» — и бросался в бой одним из первых. Не раз его сбивали с коня; лучники поднимали его и начинали оказывать лучшее сопротивление, чтобы в добром порядке вернуться в лагерь. Оттуда видели все их бедственное положение; однако никто не вышел из укрепления, чтобы им помочь, настолько решено было не ввязываться в битву. Наконец сир Руо и лучники, потеряв многих своих, сумели присоединиться к армии. Лорд Тальбот, видя ее столь хорошо укрепившейся в своем лагере, сначала вернулся в аббатство, которое только что захватил. Было еще очень раннее утро, и обедня не была отслужена. Он велел позвать капеллана, чтобы отслужить ее; в ожидании он позволил выбить днища у бочек с вином, найденных в аббатстве, и все его солдаты принялись пить.

Когда обедня началась, какой-то местный житель прибежал к лорду Тальботу и сказал ему: «Монсеньор, французы покидают свой парк и бегут; вот время или никогда исполнить ваше обещание». Старый капитан, при всем своем умении, имел такое желание отомстить за честь Англии, он так ясно видел важность одержания победы, чтобы сохранить верность жителей Бордо, что без дальнейших разведок, не послав удостовериться в этом какого-нибудь воина или гербового офицера, он прервал мессу и воскликнул: «Да не услышать мне никогда мессы, если сегодня я не обращу в бегство французов, что находятся в этом парке!» Тотчас он распорядился всем для атаки и, не медля, повел своих людей к укреплению французов. «Монсеньор, — сказал ему старый английский дворянин по имени сэра Томас Каннингем, который долгое время носил его знамя, — вам принесли ложное донесение; взгляните на глубину рва и на выправку этих людей; у них вовсе не такой вид, будто они помышляют об отступлении. Вы ничего не выиграете на сей раз; мое мнение таково, что следует возвращаться. Страна за нас; продовольствия у нас не будет недостатка, и с небольшим терпением мы уморим французов голодом».

Но слепая надежда запала в сердце этого доблестного мужа; он рассчитывал на ужас, который его славное имя должно было посеять среди врагов; первый успех сделал его самона-

деянным. Он резко ответил на этот мудрый совет; рассказывали даже, что когда этот дворянин настаивал на своем мнении, лорд Тальбот ударил его своим мечом по лицу. Затем, с великой отвагой, даже не дождавшись своих лучников, он двинулся со своими латниками вплотную к укреплению французов и велел водрузить свое знамя на один из кольев первой ограды, на краю рва.

У французов была грозная артиллерия; все в их лагере было приготовлено, чтобы встретить эту доблестную атаку. Знамя лорда Тальбота было вскоре сбито, а сэр Томас Каннингем убит; завязался жестокий бой, чтобы его поднять. Лорд Тальбот, сидя на своем маленьком иноходце, кричал своим латникам, англичанам и гасконцам: «Спешивайтесь». Тогда начался жестокий штурм. Англичане пытались унести этот вал и падали со всех сторон, сраженные артиллерией и стрелами, отброшенные копьями и секирами. Бретонцы, бывшие в резерве, подошли, чтобы выдержать столь яростный натиск. Он длился уже более часа, когда выстрел из кулеврины поразил лорда Тальбота, уже раненного в лицо, раздробил ему бедро, убил его иноходца и сбросил его на землю.

Смятение и отчаяние охватили англичан. Лорд Лайл, сын лорда Тальбота, бросился на тело своего старого отца. «Оставь меня, — сказал ему лорд Тальбот, — этот день принадлежит врагам; тебе не будет позора бежать, ибо это твоя первая битва». Но скорбь его сына была слишком сильна, чтобы он заботился о жизни; он остался подле отца, чтобы защищать его. Побочный сын, который также был у него в армии, лорд Гульль, рыцарь ордена Подвязки, и тридцать других сеньоров, самых доблестных в Англии, также пожелали погибнуть или спасти его. Французы, видя, что смятение охватывает их врагов, вышли из своих укреплений и обратили англичан в бегство. В этой кровавой схватке сын лорда Тальбота и все, кто его окружал, погибли, защищая его; сам он получил новые раны и был добит. Вся его армия обратилась в бегство, преследуемая французскими латниками, которые учинили великую резню. Одни бежали к Сент-Эмильону и Либурну; другие укрылись в форте Кастийон, ворота которого были им открыты. Лорд Молинс, главный предводитель англичан после лорда Тальбота, был взят в плен; победа была полной. Это было 17 июля, за шесть дней до великой победы, которую герцог Бургундский одержал при Гавре над жителями Гента.

Лорд Тальбот был так обезображен ранами, что, когда подбирали убитых на поле битвы, его не узнали. Однако, поскольку было известно, что он убит, искали тщательно; во время битвы, казалось, заметили цвет его одежды; и, найдя тело пожилого человека в кирасе, обтянутой красным бархатом, решили, что это он. Его положили на щит и отнесли в лагерь. Все еще сомневались, когда прибыл английский герольд и попросил позволения искать тело лорда Тальбота. «Сможете ли вы его узнать?» — сказали ему. При этих словах бедный слуга вообразил, что его господин в плену и жив; он радостно ответил: «Ведите меня к нему». Его отвели туда, где лежало обнаженное тело на щите. «Смотрите, — сказали ему французы, — ваш ли это господин?» Несчастный изменился в лице и едва не лишился чувств. Рана лорда Тальбота и кровь, покрывавшая его лицо, делали его и впрямь столь неузнаваемым, что герольд колебался, признать ли его. Он преклонил колени перед мертвым телом и, вложив палец ему в рот, удостоверился, что это он, по отсутствующему зубу. Сей верный слуга испускал крики скорби, бросался на своего господина, целовал его окровавленное лицо и проливал потоки слез. Затем он снял свою гербовую котту с цветами и гербом лорда Тальбота: «Ах! монсеньор, мой господин, — говорил он, рыдая, — вы ли это? Да простит вам Бог грехи ваши. Сорок лет и более был я вашим гербовым офицером, одетый в вашу одежду, и вот я возвращаю ее вам». Тогда он покрыв своей гербовой коттой обнаженное тело своего старого господина.

На следующий день крепость Кастийон сдалась. Там нашли сиров де Монферрана, де Розана и д'Англада; но главный виновник предательства, сир де Леспар, тот самый, что ездил в Англию за врагами королевства, сумел бежать. Сент-Эмильон и Либурн затем вернулись в руки короля, который оказал большой прием жителям Либурна; вопреки их воле, в прошлом

году французский гарнизон их покинул, и они сделали все возможное, чтобы удержать его, будучи твердо намерены выдержать осаду.

Пока король держал часть своей армии на Дордони, граф де Клермон, граф де Фуа, сир д'Орваль, сир Теольд де Вальперга, Сентрайль, Жоффруа де Сен-Белен, виконт де Тюренн, бастард Беарнский и многие другие продвинулись через Гасконь и вступили в область Медок. Они взяли Кастельно; затем осадили Кадийяк, Бланкфор, Сен-Магер, Фронзак и некоторые другие замки. Все шло, таким образом, как нельзя лучше. Король прибыл из Ангулема и расположился в Сен-Магере. Бордо начали стеснять со всех сторон; даже река была полна французскими кораблями. Город не был сильно укреплен; но сиры де Леспар и де Дюра, равно как и другие дворяне Гиени, не надеявшиеся на снисхождение, поддерживали упорство жителей. К тому же армия короля, сколь ни была сильна, оказалась разделена на три части реками Гаронной и Дордонью. Бланкфор и Кадийяк оборонялись довольно долго; продовольствие поступало с трудом; в армии были болезни. Наконец, лишь в сентябре, когда недостаток начал ощущаться и в городе, жители Бордо попросили о переговорах. Король и его совет сначала не хотели предоставлять городу никаких условий, они требовали, чтобы он сдался на милость. Потому переговоры сначала были прерваны, затем возобновлены. После трех недель король, который мог бы, как уверял его сир Бюро, сжечь город Бордо своей артиллерией, согласился, чтобы английский гарнизон удалился, и даровал всеобщее прощение; он исключил из него, и этот пункт надолго задержал переговоры, двадцать человек, которых он указал поименно. Первыми были сиры де Леспар и де Дюра; но он обещал не налагать на них иных наказаний, кроме вечного изгнания. Город также был принужден отказаться от своих привилегий и выплатить сумму в 100 000 золотых экю.

Так король вторым завоеванием вновь стал господином всего королевства, кроме Гина и Кале, и на сей раз англичане были изгнаны, чтобы уже не возвращаться. Прошло около сорока лет с тех пор, как они обосновались во Франции, и их господство, говорили, не оставило там иных следов, кроме лесов, покрывавших теперь пашни, оставленные так долго без обработки. Несмотря на это славное избавление, король более чем когда-либо должен был заботиться об общественном благе своего королевства. Эта война истощила его финансы. Он видел по тому, что произошло, что пока не будет заключен мир с Англией, новые предприятия могут внезапно возобновить опасности и затруднения; раздор, царивший между дофином и им, становился с каждым днем все серьезнее. Все это были достаточные причины, чтобы не ввязываться внезапно в предприятия герцога Филиппа, сколь бы благочестивы они ни были.

Потому, когда Симон де Лален изложил королю предмет своего посольства, ему было отвечено, что король весьма рад узнать о благом желании императора и королев, герцогов, графов, маркизов, сеньоров империи, и в особенности господина Бургундского, на благо христианского мира и на защиту католической веры. Их замысел не только противостоять проклятому предприятию Турка, но и отобрать у него то, что он узурпировал [18], был достоин похвал. Решение, принятое князьями империи, выставить каждому определенное число людей, соразмерное обширности их владений, также казалось королю весьма похвальным. Господин Бургундский поступал весьма хорошо, великодушно приняв на себя долю в четыре тысячи пеших бойцов и две тысячи конных, которая была ему назначена за земли, что он держал от империи и которые были прекрасны, значительны и приносили большой доход. Король был также весьма рад узнать о намерении господина Бургундского самому предпринять этот поход и отправиться туда лично. Это предприятие и эта воля были весьма почетны; честь от этого восходила даже к дому Франции, от коего он происходил. Однако великое значение его особы, его столь близкое родство с королем, его звание принца королевства, который мог бы быть столь полезен для защиты общего дела, должны были, быть может, несмотря на величие дела и заслугу сего предприятия, самого благочестивого, какое только можно предпринять, составить некоторое затруднение для его отсутствия и столь великой отдаленности.

Король желал поэтому, чтобы герцогу Бургундскому было указано, что его поход произведет великое ослабление дворянства королевства и уменьшение его благосостояния; что должно было сильно трогать короля, государя и отца общего дела.

Еще одно обстоятельство заслужило большое внимание со стороны короля; именно во Франкфурте, между императором Германии и князьями этой чужеземной страны, сие предприятие было решено. Но ведь король Франции был императором в своем королевстве и нисколько не был обязан сообразоваться с решениями, принятыми в иных странах; не мог ли бы этот пример быть в будущем приведен императорами, которые сказали бы, что Франция подчинилась решению империи?

Поскольку герцог Бургундский в то же время получил от папы разрешение обложить по этому поводу десятиной духовенство своих государств, король напомнил, что святой отец не может ни под каким предлогом налагать никакой подати на духовенство Франции без воли и согласия короля.

Тем не менее, после того как в нескольких случаях эти мудрые увещания были повторены послам Бургундского, и после того как он поручил своим собственным послам изложить их герцогу, король, открытой грамотой от 5 марта 1455 года, чтобы не препятствовать и не задерживать столь благого и похвального предприятия, дал ему позволение собирать в его французских владениях людей, денежную помощь и десятину с духовенства.

Узнав о намерениях короля и проведя несколько месяцев в Бургундии, герцог вернулся в Лилль в феврале 1455 года. Его возвращения там сильно желали, и народам Фландрии не терпелось увидеть конец правления господина де Шароле [19]. Им казалось, по правде говоря, что этот молодой принц имел, как говорили его слуги, благое желание, чтобы правосудие свершалось, и даже хотел его скорым и без сопротивления. Но он вершил его по своей воле, без долгого обсуждения, не осведомляясь достаточно и не выслушивая обе стороны; так что люди мудрые предвидели со страхом то время, когда он станет преемником отца. Не то чтобы добрый герцог Филипп знал иные законы, кроме своей воли; однако он был спокойнее, мягче своего сына и лучше сообразовался с разумом. Впрочем, никогда его власть и слава не достигали столь высокой степени; никогда соседи и враги не обходились с ним столь осторожно; никогда подданные не боялись и не любили его так сильно.

Штаты Бургундии назначили ему значительные субсидии. Он прибыл в Аррас, где был встречен с таким усердием, будто то был Бог, сходящий с небес, и также собрал три сословия страны. Он попросил у них помощи в сто пятьдесят тысяч ливров для своего предприятия против турок. Штаты остались весьма удивлены столь большим требованием. Ибо владения графства Артуа приносили всего четырнадцать тысяч ливров. Наконец, с великим сожалением согласились на помощь в пятьдесят шесть тысяч ливров, с условием, что он не будет взимать ее до выступления с войском в поход. Он заверил, что таково его намерение, и обязался к этому. Оттуда он отправился в графство Фландрию, Эно и другие свои земли, где ему с великой неохотой назначили тяжелые субсидии.

Пока он был в Брюгге, депутаты города Валансьена прибыли для переговоров с ним о деле, которое уже было представлено ему на рассмотрение в Бургундии и по которому он обещал вынести решение. Речь шла о необыкновенном случае, примера которому уже не было много лет и который относился к старинным привилегиям города [20].

Некто Майо Кокель, портной из Турне, убил человека, а затем укрылся в Валансьене, который, согласно имперским хартиям, был местом убежища; ибо город, или по крайней мере один из его кварталов, был имперской землей. Родственник убитого, по имени Жакотен Плувье, из Валансьена, встретил Майо на улице и сказал ему: «Предатель, ты злодейски убил моего родича; берегись меня, ибо вскоре я отомщу за его смерть». Майо тотчас пошел к городским магистратам и сказал им: «Вы приняли меня в ваше убежище, дабы я был здесь в безопасности для моей жизни; и несмотря на то, Жак Плувье пришел оскорбить и угрожать мне. Я прошу вас

оказать мне помощь и посоветовать, что мне делать». Прево и присяжные послали за Плувье, который был одним из их жителей, и спросили его, правда ли, что он так нарушил вольности города. «Господа, — ответил он, — я говорю и утверждаю, что Матье Кокель предательски убил моего родича, из засады и без разумной причины». — «Будьте осторожны в своих словах, — сказал прево, — ибо вам придется их подтвердить и доказать своим телом. Вольность города оставляет вам лишь это средство; в противном случае мы свершим над вами правосудие за посягательство на упомянутую вольность». Плувье, не волнуясь, бросил залог битвы перед Кокелем, который, несмотря на свои извинения, был принужден его поднять. Обоих отправили в разные тюрьмы и дали каждому наставника боя, чтобы обучить их искусству сражаться. Город оплачивал пропитание и наставника Кокеля, потому что он прибегнул к убежищу.

Весь этот способ судопроизводства был столь древним, что дело сильно затянулось и дало повод ко многим спорам между городскими присяжными; однако в конце концов они постановили приговором учинить бой и урегулировали все его обстоятельства. Говорили, как можно вообразить, много об этом деле; оно дошло до сведения графа де Шароле, пока он был генеральным наместником своего отца. Он приказал отложить бой. В течение этой отсрочки люди его совета пытались уладить все соглашением. Но присяжные и жители непременно хотели, чтобы этот бой состоялся; помешать ему казалось им посягательством на их привилегии, и они слали просьбу за просьбой к графу де Шароле. Как только они узнали, что герцог в Бургундии, они тотчас обратились к нему. Когда он вернулся во Фландрию, они вторично послали к нему депутатов и представили, что, как граф Эно, он поклялся уважать их привилегии; что они уже потратили много денег на приготовления к этому бою; наконец, что они не желают отказываться от своих старых вольностей. Тогда герцог назначил им день и объявил, что прибудет туда. Его сын и многие люди его двора сопровождали его; всем было очень любопытно увидеть такой бой.

Ристалище было устроено не как для турнира; оно было круглым и имело только один вход. Прево города и прево графа Эно были судьями огороженного поля; герцог же присутствовал лишь как зритель. Посреди ристалища были поставлены друг против друга два стула, покрытых черным сукном. Обоих бойцов привели; у них были обриты головы; кожаная одежда, шнурованная и обтягивающая, покрывала все их тело, оставляя руки и ноги обнаженными. Каждого усадили на его стул; принесли Евангелие, чтобы привести их к присяге. Затем они смазали жиром свои кожаные корсеты, чтобы не дать захвата, натерли руки золой, чтобы оружие не скользило в кулаках, и положили по куску сахара в рот, опасаясь, как бы жар не пересушил им горло. Затем их вооружили суковатыми палицами, совершенно равными по длине и весу, и двумя щитами, выкрашенными в красный цвет; но они должны были нести их острием вверх, в знак того, что они люди неблагородного звания.

Как только был дан сигнал, Майо Кокель, который был меньше и слабее своего противника, нагнулся, схватил горсть песка и бросил ему в глаза. Жакотен был на мгновение ослеплен и получил сильный удар палицей по лицу; но, тотчас вновь обретя мужество, он бросился на Майо, схватил его в охапку, опрокинул наземь, придавил коленом к животу, вонзил ему, к великому ужасу присутствующих, свою палицу в глаза, а затем добил его насмерть. Майо был оплакан в городе, ибо народ сочувствовал именно ему, говоря, что он был защитником привилегий Валансьена. Как бы то ни было, его выволокли за пределы ристалища, а тело привязали к виселице. Весь этот бой показался бургундскому двору вещью слишком низкой. Чтобы как бы стереть позор с места, где герцог был вынужден присутствовать при столь гнусном убийстве, двое дворян, которые поссорились, решили некоторое время спустя сразиться на глазах у него, на том же самом месте в Валансьене; что они и сделали с куртуазностью и благородством.

Несмотря на все желание, выражаемое герцогом начать предприятие крестового похода, новые затруднения и управление его обширными государствами удерживали его то по одной, то по другой причине. Неизменное стремление его упрямо поддерживать все, что

казалось ему затрагивающим его честь, и не терпеть никакого сопротивления его желаниям, снова привело его к войне. Епископ Утрехтский недавно умер; это епископство было богатым, могущественным, и суверенитет над страной зависел от него; потому оно во все времена было великим предметом честолюбия для государей, и часто велись войны, чтобы решить выборы капитула епископства Утрехтского.

Герцог Бургундский горячо желал, чтобы его побочный сын Давид, уже бывший епископом Теруанским, перешел на кафедру Утрехта. Помимо увеличения чести и могущества, которых он ожидал от этого, он видел в этом также средство удерживать в спокойствии жителей Голландии. Со своей стороны, герцог Гельдернский рекомендовал каноникам избрать Этьена Баварского. Думая, что не обидят ни одного из двух государей, каноники назначили Гисберта ван Бредероде, своего пробста, который принадлежал к самому большому семейству Голландии и казался и им, и жителям лучшим выбором, какой только можно было сделать.

Видя, что капитул не внял его настоятельной рекомендации, герцог обратился к папе и попросил у него буллы для своего сына Давида. Еще в предыдущем году он испытал любезность Святого Престола в почти подобном случае. Епископство Аррасское было вакантно; герцог Бургундский обратился с ходатайством к папе в пользу Жана Годфруа, аббата Люксёйского. Каноники, по его приглашению, воздержались от назначения. Тогда архиепископ Реймский, митрополит, назначил на кафедру мэтра Луи де Монморанси, декана капитула; состоялся процесс. Парламент вынес решение в пользу декана; но герцог Филипп послал латников, которые воспрепятствовали тому, чтобы приговор был объявлен. Вскоре после этого он прибыл сам, своею властью ввел Жана Годфруа во владение епископством; а декан, оказавшись недостаточно сильным, чтобы бороться со столь могущественным принцем, отказался от своего права, получив крупную сумму в возмещение его расходов [21].

Дело обстояло так же и с епископством Утрехтским; папа даровал утверждение бастарду герцога Бургундского; но каноники и жители диоцеза оказали более долгое и более сильное сопротивление, нежели люди Арраса [22]. Герцог, получив папские буллы, прибыл в Гаагу и велел призвать капитул принять его сына. Ему ответили, что избрание было совершено правильно и по вдохновению Святого Духа; что их пробст — великий человек добра, происходящий из могущественной семьи, состоящей в родстве с домом самого герцога; что, наконец, он уже поставлен во епископы с год, управлял мудро и получил от императора инвеституру на светскую власть.

Ничто не могло заставить каноников отказаться от их решения. Старые раздоры Голландии много значили в их упрямстве. Сиры Бредероде были вождями партии Хуков; сеньоры партии Кабельяувс подстрекали герцога и побуждали его настоять на своей воле. Он провел девять месяцев подряд в Гааге, постоянно занятый этим делом, которое он не желал оставить, не закончив. Он продолжал, однако, заниматься там и управлением другими своими государствами. Там-то он и получил все дознания и допросы, тайно произведенные в Полинии против Жана де Грансона, сира де Пема, который обвинялся в преступных происках против власти герцога и прежде всего в желании поднять против него дворянство [23]. По рассмотрении всего судопроизводства он утвердил приговор своего совета, заседающего в Доле, и сир де Грансон был задушен между двумя матрасами в своей тюрьме, дабы, как говорили, пощадить честь его благородной семьи. Это был тот самый, у кого двенадцатью годами ранее была распря с сиром де Шабаном, в которой герцог объявил себя его союзником. Маршал Бургундский, его близкий родственник, прилагал величайшие усилия, чтобы спасти его, но принц был непреклонен.

Видя, что жители Утрехта не уступают убеждению, он собрал многочисленную армию и двинулся вперед примерно с четырнадцатью тысячами бойцов. Когда Гисберт ван Бредероде увидел опасность, которой подвергалось все епископство ради его поддержки, он отказался от своего сана; герцог Клевский был посредником в этом договоре и прибыл в Лейден, чтобы уладить его условия. Гисберт ван Бредероде был назначен советником герцога Бургундского,

деканом капитула Сен-Дона в Брюгге, и ему была назначена большая пенсия из доходов епископств Утрехтского и Теруанского.

Когда герцог водворил своего сына в Утрехте, надлежало еще подчинить ему всю область Овер-Эйссел, которая не желала присоединиться к договору и продолжала признавать епископа, избранного капитулом. Приступили к осаде сильного города, называемого Девентер, главного в этой области; он сопротивлялся долго, и лишь после нескольких атак, доблестно отбитых, в сентябре месяце 1456 года жители попросили о переговорах.

Они получили довольно выгодные условия, ибо герцог только что узнал, что эта война, если он не закончит ее быстро, может стать для него более прискорбной. Когда он находился в своем лагере под Девентером, его кузина, герцогиня Гельдернская, дочь покойного герцога Клевского и сестра Жана и Адольфа Клевских, которые воспитывались при его дворе, прибыла внезапно, обезумевшая и беглая. Она сбежала ночью от своего мужа и привела с собой своего сына, ребенка лет пятнадцати или шестнадцати. Причиной ее бегства была ужасная неблагодарность герцога Гельдернского к герцогу Бургундскому. Они всегда были добрыми и верными союзниками; герцог Бургундский выдал свою дочь за короля Шотландского; однако тот только что вошел в замыслы герцога Саксонского, и они оба тайно побудили фризов вооружиться, чтобы напасть врасплох на герцога в области Овер-Эйссел.

Другая новость, еще более важная, отзывала вскоре после этого герцога Бургундского. Он узнал, что дофин Франции должен прибыть, дабы просить у него убежища от гнева короля.

Уже десять лет дофин жил вдали от своего отца, не покидая своего удела Дофине и никогда не приезжая ко двору. Со времени Прагерии они жили во взаимном недоверии. Дофин всегда выказывал себя врагом советников, пользовавшихся всей милостью короля. Говорили также, что, разгневанный одиночеством, в котором жила королева, он питал яростную ненависть к госпоже Агнесе Сорель, и в народе повторяли, что однажды он до того распалился, что дал ей пощечину [24]. После смерти дофины и в тот момент, когда власть сира де Брезе, сене-шала Пуату, стала столь велика, недовольство дофина сделалось более явным. Поскольку никто не был одновременно столь неосторожен в своих речах и столь скрытен в своем поведении [25], он беспрестанно внушал беспокойство советникам короля, а следовательно, и самому королю. Видели, что он старается составить себе партию. Сир Луи де Бёй, у которого также было свое время милости при дворе, сир де Шатийон из дома Лавалей, сир Жан де Дайон, казалось, все больше и больше пользовались его доверием. Его дядя, Карл Анжуйский, граф дю Мэн, также был не без некоторых сношений с недовольными. На беду дофина, он обратился к человеку, который не пожелал войти в его замыслы: то был Антуан де Шабан, граф де Даммартен [26].

Однажды в Шиноне, в 1446 году, дофин и он смотрели в окно. Случилось проходить шотландцу из гвардии, одетому в свою хуку королевской ливреи и с мечом на боку: «Вот те, кто держит Французское королевство в порабощении, — сказал дофин. — Кто же? — ответил граф де Даммартен. — Эти шотландцы, — продолжал принц». Затем он добавил: «Однако с ними легко было бы покончить». — «Монсеньор, — сказал Шабан, чтобы прервать этот разговор, — это прекрасная вещь, эта гвардия. Король, быть может, не сделал ничего более уместного; это составляет ему почетную свиту, когда он едет верхом по городам или по полям, и это большая безопасность для его особы. Если бы не гвардия, многого нельзя было бы предпринять». Разговор перешел на другие предметы. Дофин дал ему поручение отправиться вести переговоры с герцогом Савойским по вопросам, относящимся к Дофине. Он заговорил с ним об этом и обещал дать ему тысячу франков ренты в своем графстве Валантинуа; ибо этот молодой принц уже начинал желать привлекать к себе людей, давать им, обещать, предлагать с настойчивостью, пока не заставит их принять от него какие-нибудь деньги, какое-нибудь благодеяние.

Спустя некоторое время после того, как Шабан вернулся из Савойи, он ехал однажды верхом среди свиты дофина, которая направлялась из замка Разильи, где жил король, в город Шинон. Дофин подозвал его и поехал с ним вдвоем, немного впереди других. «Подите-ка сюда,

— сказал он ему, фамильярно беря его за шею, — ничего не остается, как выставить этих людей вон. — Как же так, монсеньор? — У меня есть пятнадцать или двадцать арбалетчиков и около тридцати лучников; а у вас, разве у вас нет лучников? Уступите мне пять или шесть. Нет ли у вас, между прочим, некоего Ришара, который был у господина де Бурбона? Что он за человек? — Монсеньор, это один из самых доблестных людей на свете. — Ну что ж! надо послать за ним. — Монсеньор, это не легкое дело, ибо король имеет под своим началом всех латников в округе. — У меня довольно людей, — возразил дофин. — И как же вы намереваетесь это сделать? — Вы знаете, что в Разильи каждый входит, как хочет. Мы войдем одни за другими, так что этого не заметят, и нас будет достаточно людей для этого дела. У меня будут мои тридцать лучников, мои арбалетчики и дворяне моего отеля. Дядя мой помог мне получить клятву от г-на де Монгаскона и сказал мне, что поможет получить Николя Шамбра, капитана гвардии. Люди Лавалия — мои, и многие другие. Итак, я не могу не быть сильнейшим». А когда Шабан возражал ему с каким-нибудь затруднением, дофин добавлял: «Не беспокойтесь, я дам вам больше добра, чем у вас когда-либо было. Все устроится как нельзя лучше. Я буду там лично; ибо каждый боится особы короля, когда видит его, и дух может оставить моих людей; но в моем присутствии сделают все, что я захочу. Все пойдет хорошо. Я поставлю добрых и верных людей вокруг короля. Я выберу для него гвардию в три или четыре сотни копий. Я дам вам власть и богатство. Что до фаворитов короля, то им не на что будет жаловаться. Я знаю, что вы очень любите сенешаля. Ну что ж! он будет продолжать управлять, но под моим началом. Все это легко; нужно только исполнить».

Дофин заметил, что граф де Даммартен холодно принимает это доверие, и начал его опасаться. Он несколько раз спрашивал его, когда придут его лучники, и, не видя их прибытия, перестал с ним говорить и делать ему доброе лицо. Сир де Бёй не раз упрекал Даммартена, что у него две тетивы на луке. Каждый раз, когда у него бывал какой-либо разговор с королем, это было предметом беспокойства для дофина. Как только кто-нибудь из служителей отеля молодого принца был замечен беседующим с графом де Даммартеном, он тотчас же впадал в немилость у своего господина. «Монсеньор, — сказал однажды дофину Жюпий, один из его домочадцев, — я хорошо знаю, что вы недовольны мной, и не знаю почему. — Мне кажется, — ответил дофин, — что вы и граф де Даммартен — лучшие друзья в мире и держите большие советы вместе. Я этим вовсе не доволен, ибо вы из моей палаты и весьма близки ко мне. — Монсеньор, я полагал, что вы любите графа больше, чем кого-либо из вашего отеля. — Да; но не подобает, чтобы вы, кто так близок к моей особе, имели столь большую дружбу с ним. — Монсеньор, я не буду больше с ним говорить. — Нет, нет, — возразил дофин, — сколько хотите, мне все равно».

Между тем приезды и отъезды сиров де Бёя, де Шатийона, де Дайона были непрестанны; замечали людей двора, которые раньше были очень в дурных отношениях, а теперь становились друзьями; то были непрерывные совещания; часто заговаривали с людьми гвардии. Крупная сумма, которую граф де Даммартен привез из Дофине и которая оставалась на хранении в его руках, была внезапно потребована дофином обратно. Не видя, на что она употреблена, он обеспокоился, что принц с ней сделал или хотел сделать. Часто он обращался к его доверенным и поручал им дать ему добрые советы, сказать ему, что король недоволен, что все это плохо кончится. Так длилось почти шесть месяцев; наконец сир де Даммартен, опасаясь того, что могло бы из этого выйти, принял решение обо всем заявить королю, который велел составить акт о его показаниях через канцлера; арестовали Каннингема, капитана шотландцев; допросили нескольких гвардейцев; доверенные дофина бежали. Его самого призвали пред короля; он дал опровержение графу де Даммартену: «Монсеньор, — сказал граф, — я знаю уважение, которое должен оказывать королю и вам, но я буду защищать своим телом все, что я сказал, против любого из вашего отеля, кто пожелает выступить». Король, казалось, был убежден, что сир де Даммартен сказал правду; несколько шотландских гвардейцев были казнены. Каннингем

погиб бы так же, без защиты короля Шотландского; дофин попросил удалиться на несколько месяцев [27] в Дофине. Это было в декабре 1446 года; его намерением было больше не возвращаться ко двору. «Клянусь этой головой без шаперона, — говорил он, выходя, с непокрытой головой, из комнаты отца, — я отомщу тем, кто изгоняет меня из моего дома».

Страх, который дофин внушал советникам короля, желание его, как было известно, управлять королевством продолжали поддерживать и усиливать раздор. Все замыслы, которые принц строил в своем уделе Дофине, все, что он предлагал, беспрестанно встречало противодействие и отвергалось. Генуэзская республика пожелала отдаться ему; ему отказали в людях и деньгах, необходимых для принятия этого предложения. Он внушал слишком много недоверия, чтобы рискнуть дать ему в руки армию.

В 1448 году некто мэтр Гийом Мариетт прибыл из Дофине и явился к сенешалю Пуату, который все еще управлял советами короля, чтобы сделать ему, как он говорил, великие разоблачения [28]. Он рассказал ему, что дофин находится в большом согласии с герцогом Бургундским; что этот принц велел предложить ему большие суммы для осуществления его замыслов; что многие другие принцы также вошли в это дело; что многие советники короля предают его и что дофин должен прибыть, чтобы переменить все правительство. Этот рассказ казался полным многих несообразных обстоятельств; сенешаль не придавал ему значения и сказал Мариетту, что не следует говорить об этом королю и напрасно причинять ему беспокойство; что, впрочем, ему следует лишь вернуться в Дофине, чтобы лучше удостовериться в вещах. Мариетт вернулся и повторил те же сведения, но сенешаль не придавал им больше веры. Он говорил ему, что дофин особенно зол на него и ненавидит его смертельно. «Не вам подобает, — ответил сенешаль, — говорить так о сыне короля; знайте, что, уезжая, он дал мне величайшие клятвы дружбы; он был бы самым лживым и самым неверным человеком в мире, если бы нарушил их; сын короля не может быть столь подлым». Однако сенешаль сказал Мариетту, чтобы тот сам поговорил с королем, не говоря, что открывался кому-либо другому. Этот человек снова вернулся в Дофине. На этот раз дофин велел схватить его и посадить в тюрьму; там он заболел, и величайшие заботы были ему оказаны по приказу принца, так сильно тот боялся увидеть его умирающим прежде, чем над ним свершат суд. Выздоровев, Мариетт сумел бежать; его снова схватили и предали правосудию Парламента. Сенешаль оказался замешан в его признаниях, потому что не довел до сведения короля разоблачений Мариетта; что ему следовало бы сделать, хоть он и считал их лживыми. Этот клеветник был приговорен к смерти; сенешаль был вынужден принять помилование и на некоторое время потерял милость короля, которую вновь обрел, как мы видели, когда началась война в Нормандии.

После завоевания этой провинции дофин попросил, чтобы ему было доверено управление ею [29]; но король далеко отклонил такое предложение. Когда на следующий год он снова предложил завоевать Гиень на собственный счет, с тем чтобы эта провинция была уступлена ему в приращение удела, это показалось мало разумным; где бы он взял столь большие средства, он, кто не мог удовольствоваться доходами Дофине?

Впрочем, он действовал там как государь, издавая эдикты, учреждая парламент в Гренобле, основывая университет в Валансе, преобразовывая монеты, издавая ордонансы для сохранения охоты, которая была его величайшей страстью, сурово подавляя частные вызовы, которые сеньоры провинции бросали друг другу. Его видели непрестанно занятым, всегда с каким-нибудь замыслом в голове. Он заключил союз с герцогом Савойским, с обещанием взаимно помогать друг другу против всех и каждого, за исключением: со стороны дофина — короля, его отца, и принцев Франции; а со стороны герцога Савойского — его отца, папы Феликса и города Берна. Свобода торговли между двумя странами также была урегулирована. Это было в 1449 году.

На следующий год дофин еще усилил свои раздоры с королем, сделавшись независимым от него в более важном обстоятельстве. Он вступил в переговоры о своем браке с госпожой

Шарлоттой, дочерью герцога Савойского, и когда дело было почти решено, он написал своему отцу, прося у него согласия. Король имел другие замыслы; он полагал, что брак его сына с английской принцессой мог бы войти в условия мира. Он думал также женить его на шотландской принцессе, сестре первой дофины. К тому же госпоже Шарлотте Савойской было только двенадцать лет; а это значило надолго откладывать надежду иметь детей. Король ответил герцогу Савойскому, приведя этот последний мотив. Вскоре после этого он узнал, что дофин намеревается поступить по-своему, несмотря на отказ в согласии. После того как его совет обсудил это, граф де Дюнуа, начинавший тогда иметь больше власти, чем когда-либо, велел позвать Нормандию, гербового короля Франции, и сказал ему: «Вы отправитесь к господину Савойскому и вручите ему эти грамоты, а затем эти — людям его совета. Если брак господина дофина еще не совершен, вы скажете господину Савойскому, что король изумляется тому, что этот брак устраивается, не давая ему знать об этом; что это значит слишком мало ценить его особу; однако король вовсе не хочет этим нанести оскорбление Савойскому дому. Затем вы скажете людям совета Савойи, что король весьма недоволен теми, кто вел это дело, что оно причиняет ему великое неудовольствие, особенно потому, что дочь не в возрасте иметь детей, чего сильно желали король и Штаты королевства. Вы позаботитесь не принимать устного ответа и привезете письменный».

Нормандия тотчас отправился в Шамбери, поставил своих лошадей на постоялом дворе и поспешил укрыться в церкви; а оттуда послал известить герцога Савойского о своем прибытии. Мажордом этого принца пришел просить у него письма, которые ему было поручено передать; он отказался вручить их не в собственные руки. К нему пришли снова; его уговаривали отправиться провести четыре или пять дней в Гренобле, развлечься там как можно лучше, обещая оплатить его расходы. Он ответил, что ничего не сделает. Настаивали, чтобы получить письма; непрерывно ходили от герцога Савойского и от дофина в церковь, где расположился герольд. Бракосочетание было назначено на завтра; Нормандия очень хотел бы найти какое-нибудь средство отсрочить его. В конце концов он согласился вручить свое письмо канцлеру Савойи. Его проводили в замок Шамбери; там канцлер спустился во двор, принял герольда без лишних церемоний под навесом, выслушал, ничего не отвечая, слова послания, пообещал ответ на следующий день и отослал герольда на его постоялый двор. На следующий день брак был совершен, а несколько часов спустя принесли Нормандии два письма: одно от дофина, другое от герцога Савойского. Тот извинялся тем, что герольд прибыл слишком поздно, и тем, что покойный кардинал-легат папы сказал ему, возвращаясь из Франции, что король согласен на этот союз.

Король был, как можно поверить, сильно оскорблен таким поведением. Завершив первое завоевание Гиени, он решил дать почувствовать свое негодование герцогу Савойскому [30]. У этого принца был советник по имени Жан де Компе, сир де Торан, который управлял им безраздельно. Дворяне Савойи составили между собой лигу против этого сеньора, оговорив, однако, неприкосновенность герцога Савойского, его семьи, рыцарей его ордена и его офицеров. Вскоре после этого на охоте вспыхнула ссора, и сир де Торан был тяжело оскорблен. Герцог Савойский велел начать судебное преследование против дворян, состоявших в лиге, а те бежали в Дофине. Действительно, многие были подданными Французского королевства или Бургундского герцогства, хотя и имели владения в Савойе. Папа Феликс V, который после своего отречения носил титул кардинала Сабины, приложил старания, чтобы успокоить это дело, волновавшее всю область. Из уважения к своему отцу герцог Савойский согласился считать дворян извинившимися. Но когда его отец умер, сеньор де Торан, опираясь на поддержку дофина, возобновил преследования; дворяне, которые снова уклонились от явно пристрастного правосудия, были изгнаны навечно, их имущество конфисковано, их замки скрыты. Тщетно папа, герцог Бургундский, король Франции вступались за них; герцог Савойский, то есть сир де Торан, остался непреклонен.

Этим поводом и воспользовался король, чтобы объявить войну герцогу Савойскому. Он послал ему вызов, собрал несколько войск и дошел до Фёра. Кардинал д'Эстутвиль, папский легат, возвращался в то время из Англии; он пытался добиться там принятия мирных предложений, но не мог получить иного ответа, кроме того, что англичане начнут переговоры, когда завоюют столько же, сколько французы только что завоевали. Он пожелал, по крайней мере, предотвратить эту новую войну и заклинал короля не идти дальше, пока герцог Савойский не прибудет к нему. Он в самом деле явился в замок Клеппе близ Фёра. Старые договоры Франции и Савойи были возобновлены. Герцог обязался служить королю и помогать ему против всех и каждого, кроме папы и императора, и посылать ему четыреста копий, когда от него потребуются. Брак госпожи Иоланды Французской с принцем Пьемонтским был заключен, и герцог Савойский обязался призвать обратно всех своих дворян. В это самое мгновение король узнал о предательстве жителей Бордо и о скором прибытии англичан в Гиень.

Путешествие короля в эти края причинило большое беспокойство дофину; он смотрел на него, и не без основания, как на направленное не менее против него, чем против герцога Савойского. День за днем он испытывал все более сильные знаки недоброжелательства, которое питали к нему советники короля. Сеньории Бокер и Шато-Тьерри были у него отняты. Владения, конфискованные в Руэрге у графа д'Арманьяка и которые король дал ему, были возвращены графу. Он подумал, что на этот раз его хотят силой изгнать из Дофине. Он послал к королю сира Габриэля де Борна, своего мажордома. Король ответил, что не такова цель его путешествия; но что дурное правление его сына вызвало столько жалоб, что он будет вынужден собрать сеньоров своей крови, чтобы принять меры. Дофин тогда велел умолять короля послать в Дофине какую-нибудь значительную особу, чтобы расследовать, что там происходит. Поскольку король не отвечал ничего определенного, сир де Борн дошел до того, что сказал, что дофина могут довести до того, что он покинет королевство.

Этого-то король и боялся больше всего. Он послал сира де Монсоро к своему сыну, который принял его с чрезвычайной учтивостью. Принц ответил, что готов во всем угождать своему государю и отцу, кроме двух вещей: первой — не являться к нему, ибо он видел в этом мало безопасности и к тому же должен был совершить некоторые паломничества; второй — не удалять офицеров, состоящих при его особе.

Сир д'Эстутвиль, великий магистр арбалетчиков, и сир де Монсоро вновь отправились к дофину и сказали ему, что король согласен на то, чтобы он не приезжал к нему, но желает, чтобы он позволил пользоваться архиепископством Вьенским Жану Дюшателю, которого папа им наделил; чтобы он возвратил Лионской церкви владения, которые захватил; чтобы он отослал недовольных, которые собирались вокруг него, и злоумышленников, которые находили убежище в Дофине. На этих условиях он мог бы вернуть свою дружбу сыну.

Дофин всегда оказывал послам своего отца самый почтительный прием и отвечал им с кротостью и покорностью, но не отступаясь от своей воли. Он ответил, что по полному праву и с дозволения папского бреве он распорядился архиепископством Вьенским, но что он, однако, готов подчиниться суду кардинала д'Эстутвиля; что он удивляется, что ему вменяют в преступление помощь старинным и верным слугам короля; что он хорошо видит, что будущее сулит ему не лучше прошлого и что его враги восстанавливают против него короля; что, впрочем, он предпочел бы умереть, нежели причинять ему неудовольствие и жить не по чести, и просит лишь о его прощении, обещая служить ему и повиноваться.

После столь смиренных заявлений, поскольку король, недовольный тем, что они были столь расплывчаты и неясны, не объявлял своей воли, дофин закупил оружие, собрал дворян провинции, подтвердил им старинные привилегии дворянства, даровал им отмену приговоров, которым они могли подвергнуться, и предоставил им всяческие преимущества. Он собрал таким образом довольно большое число их, сформировал роты и назначил им капитанов.

Дела были в таком положении, когда узнали о взятии Бордо англичанами. Тогда дофин, пользуясь случаем, предложил королю тотчас выступить против врагов и изгнать их из Гиени. «Не против них, — ответил король, — собрал он своих людей. Если бы он вел себя иначе, его просьба была бы лучше рассмотрена. Мы уже завоевали Нормандию и Гиень без него, и мы сможем завоевать их снова так же».

Дофин, раздраженный всем происшедшим, конфисковал и присоединил к своему домену сеньорию Вальбонне, принадлежавшую графу де Дюнуа. Затем, считая своего рода предательством договор, который его тесть заключил с королем, он возобновил старую распрю, существовавшую между дофинами и герцогами Савойскими, из-за оммажа за маркизат Салуццо, и объявил войну. Он вступил в Савойю, захватил несколько крепостей, произвел большие опустошения, взял в плен многих дворян. Только через четыре месяца посредничество герцога Бургундского и бернцев восстановило мир. Вопрос об оммаже за маркизат Салуццо был отложен на семь лет. Этот договор был заключен в сентябре 1454 года.

Гиень была вновь завоевана; король оказался облечен большей властью и честью, чем когда-либо имел. Однако его двор продолжал беспрестанно предаваться беспорядкам и козням. Его больше не принуждали насилием, как во времена его юности, менять своих советников. Те, кто, завоевав его доверие, управляли королевством, больше не предавались смерти и не становились жертвами убийц, как сир де Жиак, Камю де Больё или Ла Тремуй; но коннетабль, граф дю Мэн, сир де Бёй, сир де Брезе, граф де Даммартен, граф де Дюнуа по очереди сменяли друг друга в его милости, и тот, кто обладал ею, распоряжался почти всецело его волей. Ибо, если король и любил справедливость, добрый порядок, честь королевства; если он был полон кротости, без злопамятства и без жестокости, то он все же был без большой твердости в своих замыслах и привязанностях.

Тому только что был явлен весьма великий пример. Долгое время король дарил свое доверие Жаку Кёру, своему аржантье, то есть казначею своего дома; и мы видели, какие услуги он от него получил [31]. Богатства Жака Кёра были столь велики, что привлекли зависть; к тому же он ссудил деньги почти всем сеньорам королевского двора и служителям его отеля; теряя кредитора, они находили способ избавиться от своих долгов. Граф де Даммартен и сир де Гуффье, камергер короля, встали во главе клики, стремившейся погубить его во мнении короля. Первым предлогом, которым воспользовались, было обвинение, выдвинутое против него, в отравлении госпожи Агнесы Сорель. Уже ранее хотели бросить подобное подозрение на дофина. Жак Кёр всегда был одним из самых больших друзей Агнесы; она избрала его своим душеприказчиком; к тому же она умерла от последствий родов, как всем было известно. Таким образом, это обвинение было малоправдоподобным. Тем не менее Жак Кёр был заключен в тюрьму в Тайбуре, где тогда находился король во время первого завоевания Гиени. В 1451 году, без расследования, без суда, его имущество было конфисковано. Король взял сто тысяч экю на военные расходы; затем он отдал сеньории, которыми тот владел, графу де Даммартену, сир де Гуффье и другим придворным.

Именно на основании формального показания Жанны де Вандом, дамы де Монбазон, он был заключен в тюрьму. Его сын, Жан Кёр, архиепископ Буржский, и другие его дети возбудили процесс против этой дамы. Она была приговорена к публичному покаянию перед Жаком Кёром за то, что свидетельствовала против истины.

Из-за этого он не был выпущен из тюрьмы. Против него не следовали путями правосудия; король поручил комиссии своего совета ведение его процесса; она состояла из графа де Даммартена, сира де Гуффье, флорентийца по имени Отон Кастеллан, который получил его должность аржантье, — словом, из его злейших врагов. Искали новых предлогов. Сначала его обвинили в заговоре против короля; но ему не стоило большого труда оправдаться в этом. Тогда нашли другие провинности. Он, как говорили, вывез из королевства много денег и меди, отправил в Египет раба-христианина, которого требовали сарадины, подделал лич-

ную печать короля, разорил Лангедок своими поборами, продавал оружие неверным. Тщетно его дети и он сам просили комиссаров позволить заслушать свидетелей. От него потребовали, чтобы он оправдывался письменными доказательствами, и однако против него принимали всякого рода свидетельства, исходившие от людей бесчестных, обвиняемых в убийствах и опозоренных за свои преступления. Он просил адвокатов и советника и не мог их получить. Он умолял, чтобы ему по крайней мере позволили пользоваться помощью главного из его торговых поверенных, которому он доверял. Этого не захотели и дали ему двоих, которые, по его мнению, плохо разбирались в финансовых делах. Его сыновьям, даже архиепископу Буржскому, запретили приходить к нему в тюрьму и получать от него указания, необходимые для добывания оправдательных документов. Два поверенных, помощь которых была ему предоставлена, не имели дозволения говорить с ним или просить у него объяснений по поводу того, что он указывал. Они не могли собирать никаких свидетельств, но только искать документы и книги. Епископ Пуатье и духовенство потребовали его к своему суду, поскольку он был пострижен, женат лишь единожды и носил только одежду, приличествующую состоянию клирика. Кардинал д'Эстутвиль ходатайствовал за него; ничто не тронуло комиссаров, и король предоставил им свободу действий.

Однако проявлялась такая пристрастность, заключенному предоставлялись столь недостаточные отсрочки для получения документов либо из Рима, либо от его поверенных из заморских стран, что он продолжал требовать церковной юрисдикции и отказывался отвечать на допросы; тогда ему пригрозили пыткой. Его даже связали и раздели; принужденный таким образом, он попытался оправдаться.

Самым серьезным фактом была отправка раба-христианина к неверным; этот раб был тайно похищен у сарацинского купца из Александрии хозяином одной из галер Жака Кёра. Султан Египта подал на это жалобу, потому что это было нарушением договоров, заключенных с ним. Великий магистр Родоса написал Жаку Кёру, что теперь его галеры и галеры французских купцов не смогут более плавать в безопасности, что даже их товары в Александрии рискуют быть конфискованными. Ввиду этого купцы Монпелье все единодушно решили, что Жак Кёр должен отослать раба обратно.

Что касается оружия, проданного сарацинам, то он обещал представить разрешение папы, но ему не дали времени получить его из своих контор в Италии. Он ссылаясь на то, что король формально разрешил ему это; но король заявил, что не помнит этого.

Ни одно оправдание не было заслушано, ни один протест против формы такого судопроизводства не был принят, и 29 мая 1453 года канцлер, доложив об этом королю, по его приказу вынес обвинительный приговор; все пункты обвинения были признаны установленными, Жак Кёр был объявлен виновным в оскорблении величества и заслуживающим смертной казни. Однако, принимая во внимание его заслуги и из уважения к ходатайству папы, Жак Кёр был лишь признан неспособным ко всем королевским должностям и приговорен: к публичному покаянию перед королем в лице его генерального прокурора; к выкупу раба или любого другого раба-христианина; к уплате ста тысяч экю за суммы, неправильно им удержанные, и трехсот тысяч экю штрафа; к содержанию в тюрьме до уплаты; а затем — к вечному изгнанию из королевства. Этот приговор был столь далек от всякого правосудия, что в нем относительно обвинения в отравлении госпожи Агнесы, уже признанного судом клеветническим, говорилось, что король в настоящее время не в состоянии вынести по нему решение.

Сколь ни огромен был такой штраф, Жак Кёр мог бы его уплатить, если бы ему позволили устроить свои дела. Он был так богат, что простой народ подозревал его в открытии секрета делать золото, и он, как говорили, вел в одиночку больше торговли, чем все купцы христианского мира вместе взятые. Но его имущество было захвачено; он наделал большие долги на службе короля; его владения и сеньории были проданы стараниями генерального прокурора,

то есть присуждены для вида тем, у кого они уже были в руках; король же оставлял за собой право распорядиться ценой. Госпожа де Вилькье получила свою долю.

После двух лет тюремного заключения несчастный Жак Кёр, у которого было такое состояние, которому король и королевство были столь многим обязаны, был, таким образом, без тени правильного правосудия, приведен в Пуатье на эшафот и совершил там публичное показание с факелом в руке, с непокрытой головой, без пояса и шаперона. Его жена умерла от горя во время процесса.

Чтобы попытаться собрать какие-нибудь остатки своих богатств, он отправился в Бокер в Лангедоке; там по приказу короля были захвачены его товары и корабли. Один из его поверенных, по имени Жан де Виллаж, воспротивился захвату; он сказал, что, помимо расписки от короля, ему нужна таковая и от самого Жака Кёра. Тогда хотели возбудить дело против этого человека; он спасся бегством; его имущество было захвачено; его жена и дети заключены в тюрьму.

По прибытии в Бокер Жаку Кёру не осталось ничего лучшего, как искать убежища в монастыре кордельеров. Он был далек от мысли, что он там в безопасности. Зная, что Жан де Виллаж скрывается в Марселе, он послал к нему одного из монахов монастыря, заклиная вытащить его оттуда, чтобы спасти ему жизнь; «ибо наверняка, — говорил он, — без ведома короля постараются меня умертвить». Его поверенный был всем ему обязан; он женился на его племяннице и любил его как отца. К тому же общим мнением было, что король не сможет не оказать справедливость Жаку Кёру и не призвать его снова в милость. Жан де Виллаж сговорился с двумя другими поверенными своего дяди, жившими в Марселе. Они наняли на службу от восемнадцати до двадцати боевых товарищей, каких тогда легко было найти, и посадили их на судно в Тарасконе, чтобы пересечь Рону. Один из этих товарищей знал пролом в стене Бокера, который нужно было лишь немного расширить. Час и сигнал были условлены; Жаку Кёру удалось так бежать, и он тотчас отправился в Италию. Папа оказал ему хороший прием. Проведя несколько месяцев в попытках поправить свои дела, он был назначен командиром нескольких галер, которые папа посылал против неверных. Там он и нашел вскоре смерть, сражаясь против них на острове Хиос. Его тело было перевезено в Митилену, где и погребено в христианской церкви.

Его последними словами было поручение королю его детей. Король уже в 1456 году прекратил всякое преследование Жана де Виллажа. В 1457 году Гийом де Гуффье и Отон Кастеллан, главные враги Жака Кёра, были преданы суду и осуждены за доказанные преступления. Все смягчилось; король, по просьбе архиепископа Буржского, который был почтенным прелатом, приказал, чтобы из того, что осталось от имущества Жака Кёра, было возвращено его детям, но лишь в виде чистой милости. Позже, после смерти короля, они потребовали пересмотра дела, но Парламент оказался не в состоянии производить суд по делу, которое король разбирал как суверен; ему показалось, что это значило бы проявить неуважение к его памяти. Еще долго продолжались судебные тяжбы между семьей Жака Кёра и теми, кто более или менее незаконно приобрел его имущество; только много лет спустя полюбовные сделки положили конец последним последствиям этого печального дела.

Что особенно делало короля податливым на управление и предоставление своей власти воле советников, так это его склонность к женщинам. Во время его несчастий и когда он был лишь Буржским королем, много хвалили его благочестие; он ежедневно читал часы и был весьма усерден во всех обрядах; но чем больше он пребывал в благоденствии, тем больше он предавался веселью, не переставая, однако, бояться и чтить Бога [32]. С тех пор он начал совершенно пренебрегать своей женой, этой доброй и достойной принцессой. Тщетно пыталась она вернуть любовь короля. Ее кротость, ее нежность, ее огорчение, молитвы, обращенные к Богу, талисманы, которые она выписывала из Италии, — ничто не могло вернуть к ней мужа, постоянно занятого новыми увлечениями. После смерти госпожи Агнесы Сорель, которую он

любил открыто в течение многих лет, госпожа де Вилькье, при всей своей красоте, чтобы лучше сохранить милости короля и власть, которую она над ним имела, всегда заботилась держать вокруг себя четырех или пять молодых девиц из самых хорошеньких, каких только можно было найти. Чаще всего они происходили из довольно незнатных семей; но так как это было средством выдвинуться и составить состояние, находились люди дворянского звания, которые также старались извлечь из этого выгоду.

Случилось, между прочим, что когда дама де Жанли привезла ко двору Бланш де Ребрёв, которая была самой красивой девушкой, какую только можно было видеть, госпожа де Вилькье пожелала тотчас оставить ее у себя. Дама де Жанли ответила, что не может распоряжаться ею без ее родителей, и отвезла ее обратно в Аррас к ее отцу. Этот дворянин, как ни был он богат, посоветовавшись со своей семьей, решил отправить свою дочь к госпоже де Вилькье. Девушка много плакала, покидая дом своего отца, и говорила, что предпочла бы всю жизнь питаться одним хлебом и пить одну воду. Тем не менее она отправилась ко двору; с нею послали ее брата Антуана де Ребрёва, чтобы он пожал плоды этого приключения. Он был сделан оруженосцем госпожи де Вилькье, и пошел слух, что его юная сестра вскоре стала весьма приятна королю.

Чтобы свободнее предаваться всем своим склонностям, король, вместо того чтобы жить в своем добром городе Париже или каком-либо другом большом городе, держался обычно в своих замках в Берри или Турени; в Мён-сюр-Иевр, близ Буржа; в Монта, близ Тура; в Разильи, близ Шинона. Когда его дела или война привлекали его в другие провинции, он мало оставался в городах, но искал какой-нибудь замок, где мог бы расположиться со своими слугами и придворными дамами. Там он был огражден от речей, которые вели бы парижские горожане, если бы он жил среди них. Жалобы и ропот народов, когда у них были причины для недовольства, не доходили до него; не то чтобы он от всего сердца не желал, чтобы все в королевстве были довольны, но ему было бы тягостно и беспокоино слышать о бедах, которые он не всегда мог исцелить. Так он вел легкую жизнь, какую благородный, куртуазный и доброжелательный сеньор мог бы вести в своем замке, избегая забот королевской власти, хотя и не забывая о ее обязанностях.

Несмотря на свои беспорядки, королю повсюду повиновались и любили его. Он изгнал англичан из королевства. Он установил в нем порядок, какого никогда прежде не знали. Латники его ордонансных рот, размещенные гарнизонами во всех городах, вольные стрелки, возвращавшиеся домой по окончании войны, поддерживали большой порядок. Благодаря им правосудие вершилось лучше, чем когда-либо. По правде говоря, народ платил большие подати, на которые не давали согласия Штаты; и многие мудрые люди оплакивали утрату старинных вольностей королевства [33]. Видели, как возросли налоги на вино, продаваемое в розницу, и габель на соль. Порой капитаны рот сговаривались с финансистами, не держали полного числа своих латников и наживались на жалованье; порой и дисциплина не была столь строгой, как то обещали ордонансы. Когда добрые города или жители провинций посылали депутатов к королю жаловаться на эти злоупотребления, им с трудом удавалось добраться до него, и часто им отвечали лишь пустыми словами. Тем не менее все восстанавливалось и процветало в королевстве; каждый был доволен, сравнивая покой настоящего времени с ужасными бедствиями минувшего. Пахарь был уверен, что у него не отнимут его урожай. Торговля была в большом почете, и в ней получали чудесные прибыли. Можно было путешествовать повсюду, ходить из города в город, разъезжать по деревням без малейшего риска. Можно было пересечь королевство с рукой, полной золота, не подвергаясь беспокойству. Воры и разбойники не смели больше показываться [34].

Земли герцога Бургундского, которые некогда были в лучшем порядке, чем провинции короля, теперь смотрели с завистью на доброе управление королевством и особенно на прекрасные ордонансы о латниках, которые избавили бедный народ от стольких бед. У бургундцев не обреталось столь доброго правосудия [35]. Малые не были там так хорошо защищены от

великих. Беспреданно видны были там насилия и самоуправство, особенно в Артуа и Пикардии; ибо во Фландрии добрые города и коммуны умели лучше поддерживать общественный мир. К тому же воля герцога была столь самовластна, что в его государствах подданные не были уверены ни в каком праве. Так что, когда случалось, что у какого-нибудь купца, богатого пахаря, горожанина была дочь на выданье, им приходилось волей-неволей отдавать ее либо за лучника, либо за какого-нибудь служителя дома герцога, его сына или знатных сеньоров. Если отец пытался откупить свое дитя, то не иначе как дав много денег человеку, который претендовал на брак с ней, людям, управлявшим сеньором, под чьей защитой этот человек находился, а часто и самому сеньору. Поэтому, когда глава семьи имел кое-какое состояние, он выдавал своих дочерей замуж очень юными, а порой вдовы так спешили снова выйти замуж, что, не будь этого оправдания, это было бы против приличий.

Ничего подобного не происходило во Франции; каждый там жил в покое под защитой короля и его правосудия, и народ мало беспокоился о переменах, происходивших при дворе. Уже около десяти лет, кому бы король ни дарил свою милость, дела шли почти одинаково хорошо для блага страны. В советах всегда было немало мудрых людей, к которым прислушивались, как канцлер, сир Гийом Кузино, братья Бюро и некоторые другие того же склада. Таким образом, принцы и недовольные сеньоры, которые считали себя недостаточно властными или влиятельными, не могли причинить никаких беспорядков, ни привлечь много сторонников. Король был любим более, чем кто-либо из них, и он давал своим подданным больше, чем другие могли им обещать. Это дофин и испытывал в своем уделе. Так как его доходы были уменьшены, пенсии урезаны, домены отобраны; так как его недоверчивый нрав побуждал его держать вооруженных людей и снабжать свои крепости, он оказался вынужден увеличивать налоги в Дофине, и каждый, далекий от того, чтобы благоприятствовать его замыслам неповиновения, прибегал к власти короля, чтобы облегчить свое ярмо.

Наконец король решил употребить всю свою власть против сына; выступив из Турени, где он обычно жил, он дошел до Бурбонне. Дофин, узнав о замыслах своего отца, тотчас послал к нему Гийома де Курсийона, своего сокольничего, с верительной грамотой, в которой он смиренно умолял короля выслушать предложения, которые послу поручено было сделать и которые были приложены к грамоте.

Король находился тогда в замке Шатлар, близ Эбрёйля; он принял Гийома де Курсийона, взял из его рук верительную грамоту, не сказал ему ни слова, даже не спросив о здоровье сына, и отдал грамоту, не вскрывая, канцлеру. Четыре дня спустя за Курсийоном послали, и канцлер сказал ему в присутствии короля: «Мессир Гийом, король видел верительную грамоту от монсеньора; он остался ею доволен и нашел в ней прекрасные слова, которые ему весьма понравились. Что же до предложенных статей, то король ничего в них не понимает. Сверх того, дело это слишком затянулось; король желает видеть ему конец, и он решил более не терпеть этого. Проститесь с королем, вы отпущены». Курсийон преклонил колени перед королем: «Государь, — сказал он, — не угодно ли вам что-либо передать монсеньору? — Нет», — ответил король и удалился.

«Господа, — сказал тогда Курсийон канцлеру и людям совета, — я не клирик и туг разумением; дайте мне, если вам угодно, этот ответ в письменном виде. — Это не в обычае», — было единственное слово, которого он мог добиться от канцлера.

Два других посольства были последовательно отправлены дофином. Он всегда заявлял о своем уважении к королю, о своем желании повиноваться ему, но затем объявлял, что не может согласиться удалить от своей особы слуг, которым король приписывал дурное поведение своего сына. Дофин добавлял, что обязуется никогда не переходить Рону, тогда как король особенно порицал его отсутствие. В то же время дофин рассылал принцам и знатым сеньорам королевства письма, в которых жаловался на дурной и странный прием, оказанный его

почтительным изъявлениям покорности, умалчивая о том, что было предосудительного в его просьбах и что было доброжелательного в ответах короля.

После того как король велел дать письменный и подробный ответ третьему посольству дофина, которое состояло из Гийома де Курсийона, Габриэля де Берна и весьма искусного человека по имени Симон Ле Куврёр, приора целестинцев из Авиньона, он сам взял слово и сказал:

«Я слышал, что вчера вы сказали мне от имени моего сына дофина, и не могу надивиться тому, что он принял ответ, который я вам дал в прошлый раз, столь странно, что был им недоволен и разгневан; ибо сеньорам моей крови и людям моего совета показалось, что этот ответ был столь кроток, столь милостив и столь разумен, что он должен был бы удовольствоваться им и радоваться.

«Из того, что вы сказали, мне кажется, что это все та же старая привычка и что мой сын хочет, чтобы я одобрил его отсутствие и отдаление, в котором он от меня находится. Но это значило бы питать заблуждение, которое долгое время было в королевстве, где говорили, что я не хочу, чтобы он приезжал ко мне; что, как каждый мог бы знать, никогда от меня не зависело. Разумеется, я был бы, напротив, весьма рад, чтобы он употребил себя на возвращение королевства, на изгнание врагов и на получение своей доли в чести и благах, которые другие завоевали. Я желал его приезда не столько ради себя, сколько ради него. Хотя для меня было бы великой радостью видеть его и говорить с ним, я желаю этого главным образом ради блага и чести, которые ему от этого достанутся. Если бы он был здесь, я сказал бы ему вещи, которых не могу ни написать ему, ни передать через других, и он был бы, думаю, рад и доволен; так что у него и мысли бы не было уехать обратно. Если бы, однако, он захотел это сделать, он мог бы это сделать в полной безопасности, как я вам уже сказал. Но если он хочет продолжать избегать моего присутствия, как он делал до сих пор, я предпочитаю, чтобы это было от него самого, по его воле и по совету его людей, нежели с моего согласия. Кроме того, я изумляюсь, откуда у него берутся страхи, о которых вы мне говорили. Мне кажется, что он отсутствует при мне уже достаточно долго, чтобы об этом подумать и понять причину всего этого. Это удивительная вещь, что он отказывается приехать к тому, от кого должен ожидать благ и почестей. Почему он бежит? Почему он отказывается видеть моих добрых и верных подданных, тех, кто столь почетно и доблестно подвизался в великих делах этого королевства и в сопротивлении предприятиям наших старинных врагов, тех, кто оказал столь великие услуги со столь испытанной верностью? При тех отношениях, в какие он себя с ними поставил, он не может иметь их любви, а он имел бы ее, если бы был со мной и говорил с ними как подобает, подобно тому как делаю я. Мои враги вполне доверяют моему слову. Даже когда я имел их в своей власти и они были покинуты людьми своей собственной партии, всякий знает, учинил ли я над ними жестокость. А вот теперь мой сын не доверяет моему слову, чтобы приехать ко мне. Мне кажется, это делает мне мало чести; ибо нет столь больших сеньоров в Англии, пусть они и враги мои, которые не доверились бы охотно. Разве не было бы великим огорчением для меня, если бы под моим охранным словом ему была причинена малейшая неприятность? Если бы у меня было такое желание, думаете ли вы, что я столь бессилён, а мое королевство столь лишено средств, что я не мог бы пойти и схватить моего сына там, где он есть? Нужно ли мне брать с него гарантии, как он мне их предлагает? Мне их не было нужно до сих пор; и, слава Богу, я не вижу, чтобы они были мне необходимы. Что до содержания, которое вы для него просили, я вам уже сказал: когда он придет ко мне исполнить свой долг и даже то, что меньше его долга, когда он употребит себя, как должно, на благо государства, я дам ему такое содержание, что он будет доволен. Иначе это значило бы питать отчуждение, в котором он так давно находится ко мне. Тем, кто ему советует и держит его в таком положении, а не мне, надлежит давать ему содержание».

Все слова короля были тщетны. Папа и король Арагонский выступили посредниками между отцом и сыном. Ничто не могло исцелить недоверия дофина. Он верил, что если король однажды овладеет им, его жизнь не будет в безопасности. Таково было и мнение многих людей из народа. Говорили, что король подозревает своего сына в отравлении прекрасной Агнесы и хочет за это отомстить [36]. К тому же убийства герцога Орлеанского и герцога Бургундского оставались столь знамениты, что часто приходили на мысль принцам, и особенно дофину [37]. У него еще было перед глазами недавняя и жестокая смерть мессира Жилия Бретонского [38]. Герцог Пьер, его брат, обвинил его в преступных сношениях с англичанами и с согласия короля, несмотря на усилия их дяди коннетабля де Ришмона, велел заключить его в тюрьму. Он провел там три года; затем его стражи, по приказу советников герцога Бретонского, захотели уморить его голодом и болезнью. Они заперли его в низкой и сырой тюрьме в замке Ардуэне и часто оставляли без пищи. Бедный принц, когда сквозь решетку своей темницы видел проходящего кого-нибудь по другую сторону рва, кричал: «Я умираю с голоду, дайте мне хлеба ради Бога». Но никто не осмеливался помочь ему. Однажды бедная женщина была тронута жалостью от его криков боли. Она спустилась в ров и положила перед оконной решеткой свой черный хлеб, чтобы накормить брата герцога, своего господина. Она продолжала так в течение нескольких недель, оставаясь незамеченной. Видя, что принц медлит умирать, его тюремщики задушили его; это было в 1449 году. За два года до того герцог Глостерский, дядя короля Английского, был подобным же образом умерщвлен в своей тюрьме.

Итак, дофин был готов на все, лишь бы не отдаваться в руки своего отца [39]. Чувствуя опасность своего положения, он искал всяческие способы выйти из него. Помимо приготовлений, которые он делал, чтобы защищаться, он усердно молил небеса о помощи, ибо в его привычках было верить свои надежды и замыслы покровительству каких-либо особых обетов. В марте месяце он отправился в паломничество к Святой Бауме, и в течение всего этого года только и было что обеты и приношения Нотр-Дам де Клеры, Мон-Сен-Мишелью, Святому Клоду, Святому Иакову Компостельскому. Но ничто не менялось, и король в конце концов ответил, что, поскольку его сын не подчиняется, он приступит к мерам против тех, кто дает ему дурные советы. Письмо графа де Даммартена ускорило его решение.

«Мой верховный государь, — говорил он, — вот новости: монсеньор находится в Валансе; он созвал всех дворян своей страны вплоть до восемнадцатилетнего возраста и всех тех, кто способен носить оружие. Он велел объявить, чтобы каждый увозил свое имущество в укрепленные места; вся страна в страхе, но что бы он ни делал, дворяне и все жители Дофине доверяют лишь вам и говорят, что они погибли, если вы не наведете добрый порядок. Как только они узнают, что вы в походе, они заговорят громче, а когда вы продвинетесь достаточно, они исполнят свой долг перед вами. Господин Савойский также разослал свой призыв в Брессе; но пришло всего семь или восемь двадцаток латников, и, видя это малое число, он отменил приказ. Господин Савойский притворяется, и можно заметить недоверие между ним и монсеньором. Города Бресса говорят, что вы принц, который любит справедливость, и что если вы придете, они отдадутся вам. Мне кажется, следовало бы оставить дела в том положении, в каком они есть, подавать добрые слова монсеньору, говорить о вашем прибытии и делать из этого больше шума, чем когда-либо. Это могло бы заставить их сдаться, ибо этого они боятся больше всего. В ожидании вы получите новости от ваших послов в Савоие и другие сведения; таким образом, вы получите совет, каким образом вам следует вести это дело. Вы совершите не малое дело, поведя его к добру, что мне кажется легким, ибо я не вижу у них никакой опоры».

Вследствие этих новостей граф де Даммартен получил приказ короля вступить в Дофине. Принц увидел, что у него нет надежды сопротивляться, и думал лишь о том, чтобы не быть схваченным. Он притворился, что отправляется на охоту. Обманув все меры графа де Даммартена и своих собственных слуг, которых он справедливо опасался, ибо почти все были запуганы или подкуплены, он поспешил покинуть Дофине и Францию. Сопровождаемый весьма

малым числом своих людей, он добрался до Сен-Клода в графстве Бургундском; отсюда он написал королю.

«Мой грозный государь, препоручаю себя вашей доброй милости так смиренно, как только могу. Да будет вам угодно знать, что, поскольку мой дядя Бургундский намерен вскоре отправиться против Турка на защиту католической веры и поскольку моим желанием было бы отправиться туда с вашего соизволения, приняв во внимание, что святой отец наш папа меня о том просил и что я являюсь гонфалоньером церкви, в чем принес клятву по вашему повелению, я посылаю к моему дяде, чтобы узнать его намерение касательно этого похода, дабы я мог, если будет нужно, употребить себя на защиту католической веры; а также чтобы он мог постараться найти средство вернуть меня в вашу добрую милость, что есть вещь, которой я желаю более всего на свете. На сем, мой грозный государь, молю Бога, да дарует он вам жизнь благую и долгую. Последний день августа 1456 года».

Он написал одновременно всем епископам Франции, сообщая им о своем замысле, прося их велеть молиться за него в их церквах и объявляя им, что он делает принцев крови судьями того, что его касалось.

Затем он отправился со всем доверием искать убежища в замке Вер у принца Оранского. У него были жестокие распри с этим сеньором, который во время Швейцарской войны с оружием в руках напал на французские роты, когда они проходили через Конте. Дофин был тем не менее принят с почтением принцем Оранским; затем он послал за маршалом Бургундским, которого по той же причине сильно ненавидел, попросил его проводить его во Фландрию и двинулся в путь с ним. Тщательно избегая французских земель и пересекая Лотарингию и Люксембург, он прибыл в Брюссель со свитой примерно в десять лошадей. Герцог и его сын были в Голландии. Герцогиня и госпожа де Шароле были одни, чтобы его принять [40].

Как только герцогиня узнала, в восемь часов вечера, что дофин въезжает в город, она спустилась со своей невесткой и всеми своими дамами до ворот дворца, чтобы ждать его. Он спешил. Герцогиня и госпожа де Шароле преклонили колени; он поспешил их поднять и обнял; затем он обнял также всех дам и предложил руку госпоже Бургундской. Он хотел дать ей правую сторону. «Ах, сударь, — сказала она, — вы хотите, чтобы надо мной смеялись, принуждая меня делать то, что мне не подобает. — Это мне надлежит оказывать вам честь, — говорил дофин, — ибо я самый бедный в королевстве Франции и не знаю, где искать убежища, кроме как у моего дяди Филиппа и у вас». После многих церемоний и несмотря на все, что она могла сказать, он взял ее за руку и поставил справа от себя. Она проводила его в его покои, которые были покоями герцога; и, прощаясь с ним, она снова преклонила колени. Словом, не было знаков уважения, которых она не оказала бы дофину. Когда он был рядом, она во всем обращалась с ним как со своим государем и не позволяла больше оказывать себе самой никаких почестей, подобающих государыне; она больше не приказывала нести шлейф своего платья, но поддерживала его сама; за трапезой больше не пробовали кушаний, прежде чем подать ей.

Герцог действительно позаботился приказать, чтобы сына короля принимали таким образом. Именно в этом обстоятельстве он особенно показал свою мудрость и свое умение поступать подобающим образом со всеми людьми и при всех обстоятельствах. Король его, так же как и других принцев, уведомил о том, в каком положении находились переговоры с дофином; ибо он не хотел допустить, чтобы в умах укоренились ложные сведения, которые его сын старался распространять. Герцог почтительно поблагодарил его за доверие, высказал ему все свое желание видеть это дело улаженным и доложил о послании, полученном им от дофина. Действительно, этот принц, за несколько месяцев до своего бегства, послал ему в подарок арбалеты через Оде Даидье, одного из своих служителей; герцог надеялся, как он написал королю, судя по тому, что ему сказал этот посланный, что дофин был в добром расположении примириться.

Как только герцог узнал о прибытии дофина в Бургундию, он поспешил написать королю. «Этого я вовсе не ожидал, — говорил он, — и был весьма изумлен; поскольку это так, да будет

вам известно, мой грозный государь, что ради чести вашей, его и вашего благородного дома разум велит и учит, чтобы я оказывал ему всякую честь, почтение и удовольствие. Я охотно выслушаю, как подобает и как я должен, то, что ему будет угодно мне сказать и объявить, и после я вам о том сообщу. Бог знает, что я желал бы от всего сердца, чтобы он был в вашей доброй милости и исполнял свой долг перед вами, как добрый сын должен перед своим государем и отцом».

Герцог прибыл в Брюссель только 15 октября. Госпожа Бургундская и госпожа де Шароле при его приезде спустились, по обычаю, во двор, чтобы ждать и встречать его; и дофин, что бы ему ни говорили, пожелал быть там же. Герцог, узнав об этой учтивости принца, не захотел въезжать верхом во двор; он спешил к воротам и, как только заметил господина дофина, преклонил колено. Принц хотел идти к нему; госпожа Бургундская удержала его, и он смог подойти к герцогу лишь после второго поклона. Он также отвесил ему весьма глубокий поклон, взял его под руку, и они вошли так во дворец.

На следующий день дофин пространно изложил герцогу все свои жалобы на поведение, которое вели по отношению к нему, на советников короля, на то, что его оставляли без денег и без средств. Казалось, он хотел, чтобы ему предоставили людей и деньги для войны с отцом [41]. «Монсеньор, — сказал ему герцог, хорошо его выслушав, — будьте желанным гостем в моих землях. Я рад вас здесь видеть. Что же касается того, чтобы предоставить вам людей и деньги, знайте, что я служил бы вам телом и имуществом против всех принцев земли, кроме государя моего короля, вашего отца, против которого я ни за что не хотел бы предпринять что-либо, что было бы ему неуживо. Я также не помогу вам изгонять из его отеля людей его совета. Я почитаю его столь могущественным, столь мудрым, столь благоразумным, что он сумеет исправить тех, кто того заслуживает, без того, чтобы нужно было кому-либо в это вмешиваться; в этом я полагаюсь на него».

Впрочем, он предложил ему свою особу, свое имущество, свои государства, обещал предоставить ему доходы и обставить его дом так, чтобы он был доволен. Он сумел, таким образом, несколько смягчить дофина и добиться, чтобы тот дал знак покорности королю, предложив себя в посредники. Действительно, вскоре после этого он отправил торжественное посольство, состоявшее из Жана де Круа, сира де Шиме, Симона де Лалена, мэтра Жана де Ключни, докладчика прошений, и герольдмейстера Золотое Руно. Они везли письмо от дофина. Оно еще свидетельствовало о всем его гневе и упрямстве. Он хвалил добрый прием, оказанный ему и оказываемый каждый день его дядей Бургундским. В то же время он жаловался, что король послал маршала де Лозака и сира де Бёя, адмирала Франции, в Лион, чтобы следить за добрым порядком в провинции Дофине и предупреждать предприятия, которые там могли бы замыслить. «Как будто, — говорил принц, — можно было подумать, что из моей земли к вам явится какой-либо враг или какой-либо ущерб, или что я захотел бы сделать что-либо, что не было бы хорошо сделано». Однако он заканчивал тем, что говорил королю, что умоляет его держать его в своей доброй милости и дать ему свои повеления, дабы он исполнил их по мере своих сил.

Что до герцога Бургундского, то он поручил своим послам извиниться за него перед королем таким образом, чтобы никакого упрека не могло быть ему сделано за его поведение в этом деле. Они должны были сказать, прежде всего, что маршал Бургундский не мог не уступить настояниям дофина, видя его в столь плачевном положении; что король был тщательно осведомлен обо всем, и что герцог не хотел ничего делать без его ведома; что если дофин был принят с почетом и уважением, то уж, конечно, король не должен был быть этим недоволен, ибо принц был старшим сыном Франции; таким образом, герцог, как из любви к королю, так и из уважения к благородному дому Франции, от которого он сам происходил и которому был обязан всем своим достоянием, должен был ему честь и почтение. К тому же дофин прибыл из дальней страны, мало сопровождаемый, в отчаянии, полный страха; он пересек большими переходами области труднопроходимые и опасные; он казался совершенно ошеломлен-

ным своим печальным положением, преданным сожалениям и скорби, лишенным всего и как бы погибшим. Если бы в таком состоянии и в таком расположении, в то время как он изливал столь великие жалобы, герцог не принял бы его хорошо, вот тогда король имел бы причину быть недовольным. Если бы герцог отказал ему во въезде в свои владения и в свой дом, это было бы, несомненно, пятном для его чести; и если бы из этой суровости проистекла какая-либо беда, то приписали бы ее герцогу. Бог знает, что могла бы сказать об этом вся Франция; и не только принцы и французский народ, но и принцы и народы всего христианского мира.

К тому же послы должны были заметить, что герцог мог бы таким образом постараться смягчить и привлечь дофина к воле короля; он сделал бы это, если бы на то было соизволение короля, ибо он обязан искать чести, блага, единения и процветания дома Франции. По правде говоря, беседуя с принцем, он до сих пор находил его в удивительной горечи сердца, и герцог признавал, что не так тому следовало быть.

Тем не менее он советовал королю, какую бы кротость тот до сих пор ни проявлял к своему сыну, обойтись с ним еще снисходительнее, внять его просьбам, еще расширить свою любовь и отеческое милосердие. Это будет, говорил он, великим благом и милостыней — поступить так.

Затем герцог говорил о своем святом походе в Турцию, выказывал себя еще расположенным совершить его, если на то будет воля короля, и встать под начало дофина. Наконец, он входил в извинения, которые дофин представил по поводу приказов короля касательно провинции Дофине.

Бургундские послы нашли короля в Сен-Симфорьен-д'Озоне на границе Дофине. Они исполнили свое поручение и говорили согласно полученным ими наставлениям. Король велел ответить им по пунктам, приблизительно в таких выражениях:

Что до приема, оказанного дофину в Бургундии, король хорошо знает, что его старшему сыну должно оказывать честь и хороший прием, но лишь тогда, когда он ведет себя в отношении своего отца так, как обязан добрый и послушный сын. В противном случае он не имеет права на такие почести, которые исходят к нему только от короля.

Король весьма удивлен ужасом, который выказал дофин, и не может понять его причины; ибо он всегда выказывал себя склонным принять его в свою добрую милость, обойтись с ним так, как добрый отец должен обходиться с добрым сыном, и забыть все прошлое. Это король говорил и повторял послам дофина, кардиналу Авиньонскому, присланному папой, в присутствии принцев своей крови и сеньоров своего совета. Когда он узнает, откуда могут проистекать столь великие страхи, он надеется рассеять их своими словами.

Но что до просьб дофина, которые состоят в том, чтобы не приезжать и сохранить своих слуг, — никто не советовал королю их удовлетворить. Мнение самого герцога Бургундского было в том, чтобы снабдить дофина советниками мудрыми и почтенными, которые имели бы попечение о его чести и вернули бы его на службу королю и королевству. Если бы король согласился на отсутствие дофина, он заставил бы думать, что оно было до сих пор по его воле, что не так; ибо, отпросившись на четыре месяца, он отсутствовал десять лет и не мог быть при победоносных делах, которые свершились для возвращения королевства; что причинило великое неудовольствие королю, ибо слава отца умножается славными деяниями сына.

Касательно желания дофина, как он говорит, отправиться в святой поход в Турцию, король был весьма удивлен, узнав об этой внезапной затее, о которой его сын ничего не говорил прежде. Ему кажется, что это новый предлог, чтобы всегда оставаться вдали; ему следовало бы предварительно покориться королю и узнать на сей счет его соизволение. Разве не знает он, что англичане, эти старинные враги королевства, стараются каждый день вторгнуться в него, ищут хитростью способы проникнуть туда? Они даже могли бы в этом преуспеть, если бы не то, что новые заговоры сира де Леспара были раскрыты и он понес справедливое наказание, злоупотребив дарованным ему помилованием. Каковы бы ни были настояния папы, упомя-

нутые англичане не соглашались ни на какой мир, но хотят продолжать войну. Итак, король хорошо видит, что дофин не слишком помышлял о состоянии и безопасности королевства; ибо это значило бы подвергнуть его слишком очевидной опасности — лишить его дворянства и рыцарства. Не то чтобы король, имея он мир или долгое перемирие, видя свое королевство в безопасности, не употребил бы себя охотно на помощь христианству, и он так ответил папе.

Наконец, король должен был навести добрый порядок в делах Дофине, покинутого своим сыном, и принятое им решение принесло утешение и радость жителям; они пошлют депутатов к своему господину, дабы увещевать его покориться отцу, и надо надеяться, что эти увещания и добрые советы герцога Бургундского вернут его к своему долгу.

Дофин, который хорошо понимал, что его отсутствие будет долгим, принял предложения герцога; он обосновался в замке Женап, в четырех лье от Брюсселя. Ему устроили дом, подobaющий его сану, и он получал пенсию в две тысячи пятьсот ливров в месяц. Там он проводил время то на охоте, то за чтением, не выказывая никакого желания уступить. Однако, по возвращении послов, он написал, по советам герцога, письмо более покорное и более почтительное к своему отцу и сделал ему новые предложения. Он предлагал простить советников короля, на которых имел причины жаловаться, и впредь обходиться с ними со всей благожелательностью, просить прощения у короля в самых смиренных выражениях письмом, которое он подпишет, велеть просить этого прощения дофиной лично или самому просить о нем устно, на коленях и столь почтительно, сколь пожелают, в присутствии лица, которое королю угодно будет прислать к нему. Но что до возвращения к королю и до удаления своих слуг — об этих двух пунктах не было и речи. Бургундские послы вновь отправились к королю, дабы отвезти ему эти предложения дофина.

Гнев короля Франции ничего не изменил в поведении герцога по отношению к дофину; он продолжал выказывать ему то же уважение. Когда в феврале 1457 года графиня де Шароле родила своего первого ребенка, граф почтительно отправился в Женап просить дофина быть его кумом и крестным отцом его дочери. Крестины были отпразднованы с пышностью. Крестными матерями были герцогиня Изабелла и госпожа де Равенштейн, жена Адольфа Клевского. Ребенок был назван Марией дофином, в память о королеве, своей матери.

Между тем сей принц жил в Женапе спокойно и следовал советам герцога Филиппа, если не в примирении с отцом, то по крайней мере в том, чтобы не наносить ему новых обид. Его главными советниками были бастард Арманьякский, сир де Монтобан и сир де Краон. Вокруг него также было много молодых дворян, которые все бросили, чтобы примкнуть к его судьбе, среди прочих сир Робер де Грамон, чья семья была из Наварры и которого принц привлек в Дофине, предложив ему значительную должность при себе. Вся эта молодежь составляла ему своего рода двор и сопровождала его в его развлечениях и на охоте. Едва он видел человека значительного или искусного, он не знал покоя, пока не находил способа привязать его к себе; и он не жалел для этого ни золота, ни ласк. Затем, хорошенько потрудившись над привлечением к себе людей, испытав какое-нибудь разочарование или поддавшись своей обычной недоверчивости, он охладевал к ним и удалял их так же легко, как и привлек.

Среди слуг герцога он особенно старался привязать к себе сеньоров де Круа. Они с давних пор обладали величайшей властью при этом дворе и возбудили зависть почти всей знати, равно как и ненависть народа [42]. Уже тогда они имели открытыми врагами дом Люксембургов; и их раздоры, как говорили, способствовали тому, что посеяли недоверие и почти что возбудили войну между Бургундией и Францией; ибо граф де Сен-Поль пользовался некоторым доверием в советах короля. Но сеньоры де Круа создавали себе врага еще более грозного; с давних пор их влияние на герцога не нравилось графу де Шароле; он был в споре с ними из-за движимого имущества из наследства госпожи де Бетюн, которое, как он утверждал, входило в дар, сделанный ему его отцом, и часть которого удерживала госпожа де Круа. Ходил, кроме того, слух, что герцог хочет отделить от своего домена самые большие сеньории и отдать граф-

ство Булонское господину д'Этамп, графство Намюрское — сиру Жану де Круа, сеньорию Горкум — сиру Жану де Ланнуа. Чтобы довершить разжигание ненависти графа де Шароле, сир де Круа выказывали себя чувствительными к дружеским знакам дофина и казались ему преданными и благосклонными во всех делах много более, нежели к сыну своего господина.

Бургундский двор разделился таким образом на две партии: семья Круа была сильна милостью герцога; она была в союзе с де Лаленами, с де Ланнуа. Почти все знатные сеньоры разделяли, напротив, неприязнь графа де Шароле. На его стороне был также старый канцлер Никола Ролен, к которому герцог так долго питал великое доверие. Со смерти Жана де Грансона, сира де Пема, главным виновником которой он считался, канцлер имел смертельным врагом маршала Бургундского, который оказывался тем самым в клике сира де Круа; по этой причине и он обычно удерживался при дворе.

Наконец раздор разразился. У графа де Шароле были камергерами Антуан Ролен, сир д'Эмери, сын канцлера, и Филипп де Круа, сир де Сампи, сын Жана де Круа, губернатора Люксембурга. Случилось, что сир д'Окси и сир де Формель, его первый и второй камергеры, не могли нести свою службу при нем; он назначил, чтобы заменить их, сира д'Эмери. Герцог же хотел, напротив, чтобы звание третьего камергера было дано сиру де Сампи. Граф де Шароле упорствовал в нежелании менять распоряжение, которое он сделал. Герцог призвал его к себе и велел принести его распоряжение.

Граф де Шароле застал своего отца в его молельне; госпожа Бургундская присутствовала. «Дайте мне ваше распоряжение», — сказал он и, взяв его своей рукой, бросил в огонь. «Теперь ступайте составлять новое». Граф вспылил и поклялся, что ничего не сделает. «Я не позволю управлять мной Круа, как вы; уже слишком давно они поступают с вами по своей воле».

Тут герцог впал в такой гнев, что выгнал сына из своей молельни, приказал ему покинуть его владения и даже преследовал его, говорят, с мечом в руке. Герцогиня явила себя матерью; она остановила своего мужа, она вступилась за своего сына. Словом, были между всеми тремя такие речи, такие неистовства, что старый герцог, совсем смятенный, не зная, что делает, спустился, потребовал коня и уехал совсем один, бежав из своего дома и скача наугад по полям.

Вечером, когда увидели, что он не возвращается, всех охватило беспокойство; его слуги искали его повсюду, не находя. Герцогиня была в отчаянии; дофин, который остался на празднества крестин мадемуазель Бургундской, был более смущен и огорчен, чем кто-либо другой. «Что подумают во Франции? — говорил он. — Скажут, что моя особа приносит несчастье повсюду и что я не могу прибыть куда-либо, чтобы вскоре там не разразились какой-нибудь раздор и шум». И он скакал всю ночь по лесным дорогам, чтобы отыскать своего дядю Бургундского. Наконец узнали, что к ночи, увидев, что заблудился в этом лесу, герцог заметил вдали огонь бедного угольщика, дал ему несколько золотых монет, и этот человек проводил его до маленького домика одного из служителей псовой охоты. Там добрый герцог и переночевал кое-как, и там его нашли на следующий день. Одни радовались, видя его вновь после столь жестокой тревоги; другие делали ему увещания. Сам же он особенно жаловался на герцогиню, которая приняла сторону сына и сказала, что последует за ним, если его изгонят.

Он вернулся в Брюссель. Граф де Шароле уехал в Термонд. Что до герцогини, то когда маршал Бургундский принес ей упреки мужа, она выказала себя весьма огорченной. «Как я должна была поступить? — говорила она. — Я знала господина моего мужа как весьма пылкого рыцаря; я видела, что он бежит на моего сына, и я поспешила заставить его уйти. Надобно, чтобы сударь простил меня; я здесь чужестранка; у меня только сын, который меня утешает и поддерживает». Так как она не смогла обезоружить его гнев, она вскоре основала обитель Серых Сестер ордена святого Франциска в лесу Ниепп, дабы удалиться туда жить и проводить свое время в благочестии и служении Богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.